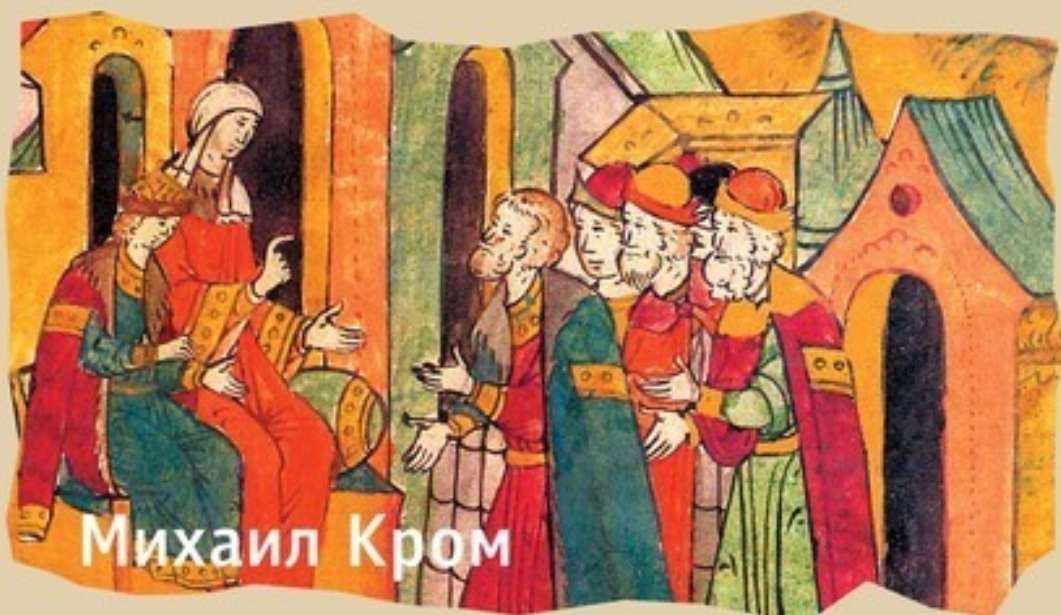

HISTORIA ROSSICA

Михаил Кром

“Вдовствующее
царство”:

Политический
кризис в России
30–40-х годов
XVI века

Historia Rossica

Михаил Кром

**«Вдовствующее царство».
Политический кризис в
России 30-40-х годов XVI века**

«НЛО»

Кром М. М.

«Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века / М. М. Кром — «НЛО», — (Historia Rossica)

Что происходит со страной, когда во главе государства оказывается трехлетний ребенок? Таков исходный вопрос, с которого начинается данное исследование. Книга задумана как своего рода эксперимент: изучая перипетии политического кризиса, который пережила Россия в годы малолетства Ивана Грозного, автор стремился понять, как была устроена русская монархия XVI в., какая роль была отведена в ней самому государю, а какая – его советникам: боярам, дворецким, казначеям, дьякам. На переднем плане повествования – вспышки придворной борьбы, столкновения честолюбивых аристократов, дворцовые перевороты, опалы, казни и мятежи; но за этим событийным рядом проступают контуры долговременных структур, вырисовывается архаичная природа российской верховной власти (особенно в сравнении с европейскими королевствами начала Нового времени) и вместе с тем — растущая роль нарождающейся бюрократии в делах повседневного управления.

© Кром М. М.

© НЛО

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	6
1. «Боярское правление» перед судом современников и потомков	6
2. Замысел исследования	15
3. Источники	17
Часть I	20
Глава 1	20
1. Повесть о смерти Василия III: вопрос о первоначальной редакции	22
2. Состав опекунского совета: летописные свидетельства и гипотезы историков	35
3. Духовная грамота Василия III и завещательная традиция XV – первой трети XVI в	41
4. Иностранные свидетельства об опекунском совете при малолетнем Иване IV	44
Глава 2	52
1. Арест князя Юрия Дмитровского	52
2. От «триумvirата» – к единоличному правлению Елены Глинской (декабрь 1533 – август 1534 г.)	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Михаил Маркович Кром

«Вдовствующее царство» Политический кризис в России 30 – 40-х годов XVI века

ОТ АВТОРА

Работа над этим исследованием велась более 15 лет, и все эти годы я получал советы и помощь от многих коллег. Поэтому я считаю своим приятным долгом начать книгу со слов признательности. Прежде всего хочется поблагодарить сотрудников библиотек и архивов, оказавших мне неоценимую помощь в сборе материала для исследования, и особенно Ю. М. Эскина (РГАДА), Ю. Д. Рыкова (Отдел рукописей РГБ), д-ра Штефана Хартмана (Тайный государственный архив Прусского культурного наследия, Берлин-Далем). Сведениями о ряде ценных рукописей, хранящихся в Государственном архиве Вологодской области, я обязан Ю. С. Васильеву, М. С. Черкасовой, Н. В. Башнину.

Я благодарен д-ру Ульриху Веберу (Семинар по германистике, Университет г. Киля) и К. А. Левинсону за помощь в переводе немецких текстов XVI в., а В. И. Мажуге – за консультации по поводу латинских цитат.

Важными вехами на пути от первоначального замысла исследования к итоговой монографии стали доклады на Чтениях памяти академика Л. В. Черепнина (1994 г.) и летней школе по истории Древней Руси в Париже (2003 г.). Одним из организаторов этих памятных для меня конференций был В. Д. Назаров. Я благодарю Владислава Дмитриевича за внимание к моей работе и ценные советы (даже если не всеми из них я сумел воспользоваться).

Рукопись книги обсуждалась на заседании Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН в июле 2009 г. (заведующая отделом – З. В. Дмитриева). Выражаю искреннюю признательность всем участникам обсуждения за высказанные замечания и пожелания.

В работе над текстом мне немало помогли также отзывы рецензентов книги – Варвары Гелиевны Вовиной-Лебедевой и Ольги Евгеньевны Кошелевой. Ольга Евгеньевна сделала намного больше, чем обычно делает рецензент: она не только внимательно прочитала весь текст книги и высказала критические замечания по каждой главе, но и прислала копии нескольких интересовавших меня документов из фондов РГАДА.

Значительная часть книги была написана в 2007 – 2008 гг. в Кильском университете (Германия), где благодаря поддержке Фонда имени Александра фон Гумбольдта (проект по сравнительно-историческому изучению патроната и клиентелы в допетровской Руси) и гостеприимству профессора Людвиг Штайндорфа мне были предоставлены идеальные условия для научных занятий. Завершающий этап работы над монографией в 2009 г. был также поддержан стипендией Фонда имени Александра фон Гумбольдта (Rückkehrstipendium).

Выражаю искреннюю признательность всем перечисленным выше лицам и организациям. Отдельная благодарность – моим близким за терпение и поддержку.

Санкт-Петербург, сентябрь 2009 г.

ВВЕДЕНИЕ

Горе тебе, земля, когда царь твой отрок...
(Еккл. 10: 16)

1. «Боярское правление» перед судом современников и потомков

Слова о «вдовствующем царстве», вынесенные в заголовок данной книги, заимствованы из послания Ивана IV Стоглавому собору: «...мне сиротствующу, а царству вдовствующу», – так вспоминал царь о времени своего малолетства¹.

Уподобление царства, оставшегося без государя, безутешной вдове – нередкий прием в русской публицистике XVI – начала XVII в. Развернутая аллегория на эту тему содержится в принадлежащем перу Максима Грека «Слове, пространнее излагающем, с жалостию, нестрое-ния и безчиния царей и властей последнего жития»². Хотя датировка этого сочинения варьируется в научной литературе от 30-х до первой половины 50-х гг. XVI в., исследователи единодушны в том, что оно отражает события эпохи малолетства Грозного³. Ученый монах изобразил здесь «жену» в черном вдовьем одеянии, именуемую «Василия» (т.е. «царство») и страстно обличающую своих мучителей – «славолюбцев и властолюбцев», «сущих во вла-стях»⁴.

Дальнейшее развитие образ «вдовствующего царства» получил в эпоху Смуты начала XVII в. Так, анонимный автор «Новой повести о преславном Российском царстве» (агитаци-онного сочинения, появившегося в конце 1610 или начале 1611 г.) писал о современной ему ситуации, что «Божиим изволением царский корень у нас изведется [...] и земли нашей без них, государей, овдовевши и за великия грехи наша в великия скорби достигши...»⁵ (выделено мной. – М. К.). Наконец, во «Временнике» Ивана Тимофеева есть характерное рассуждение о том, что царь и «царствие» неотделимы друг от друга, как душа неотделима от тела, а в конце своего сочинения автор поместил две притчи «О вдовстве Московского государства»⁶.

Как видим, и отсутствие царя на престоле, и малолетство государя, его физическая неспо-собность управлять страной – в равной мере представлялись современникам настоящим бед-ствием, «вдовством» государства. Примечательно, что до эпохи Ивана Грозного образ «вдов-ствующего царства» в русской письменности не встречается, хотя в истории дома Калиты и раньше не раз возникала ситуация, когда великокняжеский престол переходил к юному кня-жичу (достаточно вспомнить о том, что великому князю Ивану Ивановичу Красному в 1359 г. наследовал девятилетний сын Дмитрий – будущий победитель на Куликовом поле, а Василию Дмитриевичу в 1425 г. – сын Василий (II), которому не исполнилось еще 10 лет от роду⁷). По-

---

¹ Емченко Е. Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 246.

² Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Казань, 1860. Ч. 2. С. 319 – 337.

³ Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 218; Буланин Д. М. Максим Грек // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 92 (здесь же библиография).

⁴ Сочинения преп. Максима Грека. Ч. 2. С. 319, 322 и сл.

⁵ Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 194.

⁶ Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 106, 155 и сл. Об образе «земли-матери», «земли-вдовы» в этом произве-дении И. Тимофеева см.: Ingerflom C., Kondratieva T. «Bez carja zemlja vdova». Synchronisme dans le Vremennik d'Ivan Timofeev // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 34. № 1/2 (janvier – juin 1993). P. 257 – 266.

⁷ Об обстоятельствах вступления на московский престол соответственно Дмитрия Ивановича (Донского) и Василия II см.:

видимому, формирование образа «вдовствующего царства» произошло уже в едином государстве, а непосредственным толчком послужили потрясения эпохи «боярского правления» 30 – 40-х гг. XVI в.⁸

* * *

За редкими исключениями, мы не располагаем непосредственными откликами очевидцев на события интересующего нас времени. Чуть ли не единственное свидетельство такого рода – показания бежавшего осенью 1538 г. из Московского государства в Ливонию итальянского архитектора Петра Фрязина. На допросе в Юрьеве (Дерпте), объясняя причины своего побега, он заявил: «...нынеча, как великого князя Василья не стало и великой княги[ни], а государь нынешней мал остался, а бояре живут по своей воле, а от них великое насилье, а управы в земле никому нет, а промеж бояр великая рознь; того дея есми мыслил отъехать прочь, что в земле в Руской великая мятеж и безгосударство...»⁹

Справедливость приведенной характеристики нам предстоит проверить в ходе данного исследования, но пока следует отметить, что слова беглеца-архитектора не могли повлиять на формирование негативного образа эпохи, поскольку процитированный документ, происходящий из архива Посольского приказа, был опубликован только в 1841 г. К тому времени дурная слава уже давно прочно закрепилась за периодом малолетства Грозного, и виной тому были как писания самого царя, так и летописные памятники второй половины его правления.

Примечательно, что летописи, составленные в годы «боярского правления», не содержат каких-либо оценок или суждений обобщающего плана, по которым можно было бы судить об отношении современников к тогдашним носителям власти. Это характерно не только для летописей, доводящих изложение лишь до конца 1530-х гг. (Вологодско-Пермской третьей редакции, Новгородской IV по списку Дубровского), но и для крупнейшего летописного памятника, созданного в первой половине 1540-х гг., – Воскресенской летописи. Ее политическая тенденция не поддается однозначному определению: о симпатиях и антипатиях составителя летописи исследователи высказывают различные мнения. С. А. Левина полагает, что автор Воскресенской летописи был сторонником князей Шуйских; А. Н. Казакевич и Б. М. Клосс отмечают особые симпатии летописца к митрополиту Иоасафу¹⁰.

Еще труднее обнаружить какую-либо направленность в Постниковском летописце, в котором изложение событий обрывается на 1547 г.: недаром первый публикатор этого памятника М. Н. Тихомиров заметил, что автор этих «своеобразных мемуаров середины XVI в.» «не выражает своих симпатий открыто», а «как бы регистрирует события...»¹¹.

Но по мере того как эпоха «боярского правления» уходила в прошлое, все чаще – уже постфактум – звучали оценки событий того времени. В сочинениях конца 40-х – начала 50-х гг. XVI в. давалась краткая, но подчеркнута негативная характеристика периода государева мало-

---

Кучкин В. А. Дмитрий Донской // ВИ. 1995. № 5/6. С. 63 – 64; Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 7, 30, 31 и сл.

⁸ «Боярское правление» – принятое в научной литературе обозначение эпохи 1530 – 1540-х гг., периода малолетства Ивана IV. Этот термин весьма условный, так как, с одной стороны, сохранялся монархический строй, и все решения выносились от имени юного великого князя, а с другой – в управлении, наряду с боярами, принимали активное участие и другие должностные лица: дворецкие, казначеи, дьяки. Чтобы подчеркнуть условность закрепившегося за этой эпохой названия, термин «боярское правление» употребляется в данной книге в кавычках.

⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1539 г. Д. 1. Л. 4. Цитирую по рукописи, так как в публикации 1841 г. текст передан неточно: АИ. СПб., 1841. Т. I. № 140. С. 203. Подробный комментарий к этому документу дается ниже, в основном тексте книги (см. гл. 5).

¹⁰ См.: Левина С. А. Летопись Воскресенская // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 39 – 42 (здесь же библиография); Казакевич А. Н. Идеино-художественная концепция защиты Отечества в статье 1541 г. Воскресенской летописи // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. С. 119 – 149; Клосс Б. М. Воскресенская летопись // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 462.

¹¹ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 172.

летства. Боярам инкриминировались мздоимство, властолюбие, насилие, междоусобные распри и т.п. Так, в кратком Новгородском летописце по списку Н. К. Никольского страшный московский пожар в июне 1547 г. объяснялся Божьим гневом, ибо «в царствующем граде Москве умножившись неправде, и по всей России, от велмож, насилствующих к всему миру и неправо судящих, но по мзде, и дани тяжкие [...] понеже в то время царю великому князю Ивану Васильевичу уну сушу, князем же и бояром и всем властелем в бесстрашии живущим...»¹².

Сходные обвинения в адрес бояр звучали на соборах 1549 – 1551 гг. В феврале 1549 г. Иван IV, если верить продолжателю Хронографа редакции 1512 г., говорил своим приближенным, что «до его царьского возраста от них и от их людей детем боярским и христьяном чинились силы и продажи и обиды великия в землях и в холопах и в ыных во многих делех»¹³. Два года спустя, в речи, обращенной к иерархам Стоглавого собора, царь еще суровее обличал «самовластие» бояр, которые, воспользовавшись малолетством государя, развязали междоусобную борьбу, унесшую множество жертв: «И тако бояре наши уллучиша себе время – сами владеша всем царством самовластно, никому же възбраняюще им от всякого неудобнаго начинания, и моим грехом и сиротством, и юностию мнози межуусобною бедою потреблени быша злей»¹⁴.

Та же тенденция была последовательно проведена в созданном между 1553 и 1555 гг. Летописце начала царства – по существу первом подробном изложении (с официальных позиций) истории 1533 – 1552 гг.: составитель при каждом удобном случае подчеркивал «самовольство» бояр, действовавших «без великого князя ведома»¹⁵. В новой редакции Летописца, созданной во второй половине 1550-х гг. и отразившейся в Патриаршем списке и (начиная с 1542 г.) в списке Оболенского Никоновской летописи¹⁶, в текст были внесены комментарии риторического характера, призванные еще сильнее обличить произвол бояр-правителей, раскрыть низменные мотивы их поведения. Так, в рассказ о конфликте князей Шуйских с кн. И. Ф. Бельским по поводу раздачи думских чинов осенью 1538 г. была вставлена фраза: «И многие промеж их [бояр. – М. К.] бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земьским»¹⁷.

Определенная тенденция содержалась не только в комментариях, подобных вышеприведенному, но и в самом отборе фактов, достойных упоминания: характерно, что в официальном московском летописании не упомянуты такие важные мероприятия, как губная реформа¹⁸ или поместное верстание рубежа 30 – 40-х гг. XVI в. По существу, вся внутривластная жизнь страны от смерти Елены Глинской до царского венчания сведена там к придворным интригам, боярским распрям и бессудным расправам. В таком контексте вполне оправданным выглядел обобщающий вывод редактора-составителя летописи второй половины 1550-х гг.: «...всяк своим печется, а не государьским, ни земьским».

Еще более резкая оценка деятельности боярских правителей была дана Иваном Грозным в послании Курбскому: излагая длинный перечень «бед и скорбей», которые ему и его подданным пришлось претерпеть от «воцарившихся» бояр, царь так подвел итоги их правления: «...

¹² ПСРЛ. Л., 1929. Т. IV, ч. 1. Вып. 3. С. 620.

¹³ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // ИА. М., 1951. Т. VII. С. 295.

¹⁴ Емченко Е. Б. Стоглав. С. 246.

¹⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 32, 34, 42; и др. О Летописце начала царства и его редакциях см.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 29 – 41; Клосс Б. М. Летописец начала царства // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 20 – 21 (здесь же библиография).

¹⁶ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. М., 1980. С. 195 – 196.

¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1. С. 126.

¹⁸ На проведение губной реформы откликнулись лишь псковские летописи. См.: Пл. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 110; М., 1955. Вып. 2. С. 229 – 230.

правити же мнящиеся и строити, и, вместо сего, неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерну ото всех збирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще»¹⁹.

Та же характеристика интересующей нас эпохи и почти в тех же выражениях, что и в царском послании, содержалась в другом памятнике первой половины 1560-х гг. – Степенной книге. Здесь в особой главе, названной «О преставлении великия княгини Елены и о крамолах боярских и о митрополитех», обличались «междоусобные крамолы» и «несытное мздоимство» бояр, «улучивших время себе» при «младом» государе²⁰.

Подробный разбор летописных текстов 1560 – 1570-х гг., освещавших события эпохи «боярского правления», не входит в мою задачу. Важно только подчеркнуть, что, как установлено исследователями, основным источником повествования о первой половине царствования Грозного во всех памятниках предопричного, опричного и послеопричного времени – Львовской летописи, Степенной книге, Лицевом своде (Синодальной летописи и Царственной книге) – послужил Летописец начала царства поздней редакции, отразившейся в списках, продолжающих Никоновскую летопись²¹. При этом фактический материал мог подвергаться сокращению (как в Степенной книге), дополняться известиями других летописей или даже (как в знаменитых приписках к Лицевому своду) ранее не известными подробностями, но концептуальная основа оставалась прежней: это была все та же, созданная во второй половине 1550-х гг., трактовка событий малолетства Ивана IV, подчеркивавшая при каждом удобном случае эгоизм и своеволие бояр-правителей.

К концу царствования Ивана Грозного удобная ему версия истории «боярского правления» была «растиражирована» во множестве текстов. Обвинения, брошенные Иваном IV и его помощниками по летописному делу деятелям 1530 – 1540-х гг., положили начало историографической традиции, влияние которой не преодолено до сих пор.

* * *

Когда началась научная разработка истории России XVI в., в ее основе оказались официальные летописные памятники грозненского времени: Никоновская и Львовская летописи, Царственная и Степенная книги, опубликованные впервые в эпоху Екатерины II. К тому же «семейству» принадлежал и Архивский летописец (свод 1560 г.), использованный Н. М. Карамзиным в его «Истории»²². Если учесть, что шахматовская «революция» в летописеведении произошла лишь на рубеже XIX – XX вв., а систематическое освоение актов эпохи Ивана Грозного началось только в середине XX столетия, то становится понятно, что историкам XVIII – XIX вв. трудно было освободиться от влияния схемы, навязываемой официальным летописанием 50 – 70-х гг. XVI в.

Неудивительно, что оценки, данные «боярскому правлению» историографами конца XVIII – начала XIX в., по существу, мало чем отличались от приведенных выше летописных

¹⁹ ПГК. С. 28 (Первое послание Грозного, 1-я пространная редакция).

²⁰ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21. 2-я половина. С. 634.

²¹ См.: Клосс Б. М. Никоновский свод. С. 201, 225, 228; Морозов В. В. Об источниках Царственной книги (Летописец начала царства) // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 75 – 87; Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 224 – 232; Лурье Я. С. Летопись Львовская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 44 – 45; Клосс Б. М. Царственная книга // Там же. С. 506 – 508; Покровский Н. Н. Афанасий, митрополит // Там же. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 73 – 79. В недавно изданной монографии В. В. Морозов называет в качестве непосредственного источника Лицевого свода реконструируемый им Свод 1560 г., который, однако, с 1541 г. обнаруживает сходство с Летописцем начала царства, см.: Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005. С. 93. О Степенной книге см.: Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007; Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

²² См. список летописей, использованных Карамзиным: Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 25 – 26. Ср.: Клосс Б. М. Никоновский свод. С. 200.

характеристик: бедствия, будто бы пережитые страной в 30 – 40-х гг. XVI в., объяснялись моральными качествами тогдашних правителей. Общим оставался и монархический взгляд на историю, вера в спасительность единовластия. «Тогда как внутри России, пользуясь младенчеством великого князя, мирские и духовные российские сановники старались каждый честолюбие свое удовлетворить, – сообщал М. М. Щербатов, – разливающаяся повсюду слабость такового правления и происходящее от того неустройство ободряло врагов российских...»²³ Описав дворцовые перевороты конца 1530-х гг., Н. М. Карамзин задавал риторический вопрос: «Среди таких волнений и беспокойств, производимых личным властолюбием бояр, правительство могло ли иметь надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутреннего благоустройства и внешней безопасности?» Повторяя вслед за Грозным инвективы против Шуйских, историк противопоставлял их владычеству «благословенное господствование князя Бельского»²⁴.

Там, где предшествующие историки видели лишь борьбу честолюбий, С. М. Соловьев, в русле своей общей концепции, усмотрел столкновение двух противоположных начал – родового и государственного. После смерти Елены Глинской, писал он, «в челе управления становятся люди, не сочувствовавшие стремлениям государей московских», люди, совершенно преданные удельной старине. «В стремлении к личным целям они разрознили свои интересы с интересом государственным, не сумели даже возвыситься до сознания сословного интереса». Свокорыстным поведением Шуйские, Бельские, Глинские лишили себя поддержки «земли» и в итоге «окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодействовать во имя старых прав своих»²⁵.

В своем лекционном курсе В. О. Ключевский повторил многие из этих выводов С. М. Соловьева, но по-другому расставил акценты: боярские усобицы в годы малолетства Ивана IV велись «из личных или фамильных счетов, а не за какой-либо государственный порядок». В результате авторитет бояр в глазах общества упал: «Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой...» Однако каких-либо принципиальных перемен в тот период, по Ключевскому, не произошло: основное противоречие московской политической системы – между самодержавным государем и его аристократическим окружением – не получило тогда разрешения²⁶.

Еще решительнее отсутствие каких-либо «принципиальных оснований боярской взаимной вражды» подчеркнул С. Ф. Платонов. «Все столкновения бояр, – писал историк, – представляются результатом личной или семейной вражды, а не борьбы партий или политических организованных кружков». В подтверждение своих слов он привел мнение «современника» (а на самом деле – летописца второй половины 50-х гг.) – уже знакомую нам фразу о «многих враждах» из-за корысти и о том, что «всяк своим печется, а не государьским, ни земьским»²⁷.

Так в историографии возникли два различных подхода к оценке «боярского правления»: большинство историков рассматривали его как период господства временщиков, боровшихся друг с другом за власть и беззастенчиво грабивших население; иной взгляд на эпоху был предложен С. М. Соловьевым, увидевшим за событиями 30 – 40-х гг. XVI в. глубинные исторические процессы.

Продолжателем «линии Соловьева» в трактовке эпохи малолетства Грозного выступил И. И. Смирнов. В статье 1935 г., а затем в книге 1958 г. историк, возражая против приведенной выше точки зрения Платонова, подчеркивал принципиальное политическое значение борьбы,

²³ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. V, ч. 1. С. 169.

²⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5-е. Кн. II. СПб., 1842. Т. VIII. Стб. 33 и след.

²⁵ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. III. С. 425 – 426.

²⁶ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 164.

²⁷ Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пб., 1923. С. 38.

разгоревшейся в 30 – 40-х гг. XVI в. при московском дворе. Смысл «боярского правления», по его мнению, заключался в «попытке феодальной реакции – княжат и бояр – задержать процесс строительства Русского централизованного государства путем разрушения аппарата власти и управления... и возрождения нравов и обычаев времен феодальной раздробленности»²⁸.

Последний тезис вызвал возражения В. И. Буганова и В. Б. Кобрин, опубликовавших рецензии на книгу И. И. Смирнова, и А. А. Зимина – в его монографии о реформах середины XVI в. По мнению этих исследователей, в годы «боярского правления» речь уже не могла идти о возвращении ко времени феодальной раздробленности; соперничавшие между собой группировки стремились не к разрушению центрального аппарата государства, а к овладению им в своекорыстных интересах. Кроме того, если Смирнов считал реакционными все боярские группировки 1530 – 1540-х гг., то его оппоненты безоговорочно зачисляли в лагерь реакции только князей Шуйских, находя в политике их соперников Бельских некоторые, хотя и непоследовательные, централизаторские тенденции²⁹.

Впрочем, степень этих разногласий не следует преувеличивать. Все участники дискуссии разделяли тезис о прогрессивности самодержавной централизации, которой противостояла феодальная аристократия. Как и Смирнов, Зимин писал о «временном торжестве княжеско-боярской реакции в малолетство Ивана Грозного»: именно такая оценка «боярского правления» содержалась в абсолютном большинстве работ по истории России XVI в., вышедших в 1940 – 1960-х гг.³⁰

Сила историографической традиции оказалась столь велика, что оригинальные исследования, выполненные на основе нелетописных источников – губных и иммунитетных грамот, писцовых книг, дворянских челобитных – и высветившие новые стороны внутривластной истории 1530 – 1540-х гг. – губную реформу (Н. Е. Носов), иммунитетную политику (С. М. Каштанов), поместное верстание (Г. В. Абрамович)³¹, внесли лишь некоторые коррективы в сложившуюся схему, но не привели к пересмотру ставшей уже привычной концепции «боярской реакции» в годы малолетства Грозного.

Пересмотр этой концепции стал возможен после того, как в работах А. А. Зимина, Н. Е. Носова, В. Б. Кобрин, вышедших в 1960 – 1980-х гг., был подвергнут ревизии тезис о борьбе прогрессивного дворянства против реакционного боярства, якобы противившегося централизации³². И вот в книге «Власть и собственность в средневековой России» В. Б. Кобрин констатировал бесплодность всех попыток найти различия в политических программах соперничавших друг с другом боярских группировок, как и попыток определить, какая из них «прогрессивнее», а какая – «реакционнее». По его мнению, в годы «боярского правления» шла

²⁸ Смирнов И. И. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9/10. С. 87 – 89, 98; Его же. Очерки политической истории Русского государства 30 – 50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 3, 27.

²⁹ Кобрин В. Б. [Рец.] // ВИ. 1960. № 1. С. 151 – 158; Буганов В. И. [Рец.] // История СССР. 1960. № 4. С. 170 – 176; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 224, 258, 262 – 263.

³⁰ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. С. 21; Его же. Реформы Ивана Грозного. С. 223. См. также: Шатагин Н. И. Русское государство в первой половине XVI века. Свердловск, 1940. С. 74 – 80; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. М., 1955. С. 112 – 116, 280 – 283; История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1966. Т. 2. С. 151 – 160; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 328, 375 – 376.

³¹ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 289 – 327; Каштанов С. М. Социально-политическая история. С. 275 – 376; Абрамович Г. В. Поместная политика в период боярского правления в России (1538 – 1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 192 – 199; Его же. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 81 – 102.

³² Зимин А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.). М., 1964. С. 20 – 27; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 10 – 11, 419 – 420, 526; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV – XVI вв.). М., 1985. С. 199 – 218.

просто «беспринципная борьба за власть»³³. Но такой вывод означает, по сути, возвращение к точке зрения С. Ф. Платонова: историографический круг замкнулся!

С тех же позиций, что и Кобрин, подошел к оценке политической борьбы в 30-х гг. XVI в. А. Л. Юрганов: по его мнению, эта борьба носила характер личного и кланового противоборства³⁴.

Подобные взгляды на природу придворных конфликтов изучаемой эпохи ранее уже высказывали зарубежные исследователи. В начале 1970-х гг. западногерманские историки Х. Рюс и П. Ниче подвергли серьезной критике господствовавший тогда в советской историографии тезис о «феодальной реакции», наступившей после смерти Василия III, и о борьбе сторонников и противников централизации как основном конфликте того времени. Взамен было предложено традиционное объяснение, четко сформулированное еще Платоновым: главными мотивами междоусобной борьбы 30 – 40-х гг. XVI в. объявлялись стремление к власти, алчность и честолюбие³⁵.

Оригинальную трактовку событий «боярского правления» предложила американская исследовательница Н. Ш. Коллманн – автор монографии о формировании московской политической системы в XIV – первой половине XVI в. Вслед за Э. Кинаном она подчеркивает определяющую роль родства и брака в московской политике: конфликты внутри элиты возникали не из-за идеологических, религиозных и т.п. разногласий, а вследствие соперничества за первенство при дворе; политические группировки формировались на основе брачно-семейных связей, отношений зависимости и покровительства. Близость ко двору, а следовательно и роль в принятии политических решений, зависела от степени родства с великим князем: отсюда значение государевых свадеб, которые на поколение вперед закрепляли сложившуюся расстановку сил, определяя придворную иерархию. Во время малолетства Грозного бояре в течение 15 лет не могли прийти к согласию, пока Иван IV не достиг брачного возраста и женитьбой на Анастасии Захарьиной не восстановил утраченное было равновесие³⁶.

В другой работе Коллманн отмечает, что летописи, повествующие о времени малолетства Ивана IV и приписывающие ему, ребенку, принятие всех решений, изображают не реальную, а идеальную картину политической жизни – какой ей следовало быть согласно идеологии. На самом деле, «за фасадом самодержавия» бояре играли важную политическую роль. Причем эпоха несовершеннолетия государя, подчеркивает американский историк, не являлась каким-то исключением, отклонением от политической системы: великий князь не был «самодержцем» в буквальном смысле слова, но разделял принятие решений с боярскими группировками, действовал в согласии с элитой³⁷.

Предпринятая Коллманн попытка заглянуть за идеологический «фасад», отличить ритуал от действительности в жизни Московии XVI в., несомненно, заслуживает поддержки. Предложенная ею модель динамического равновесия, «баланса интересов» для объяснения механизма придворной борьбы эпохи «боярского правления» – шаг вперед в изучении темы по сравнению с традиционным обсуждением невысоких моральных качеств соперничавших между собой бояр. Вместе с тем ряд положений концепции, выдвинутой американской исследовательницей, вызывает принципиальные возражения. Главное из них состоит в том, что мос-

³³ Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 214 – 215.

³⁴ Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533 – 1538 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 18 – 19.

³⁵ Rüß H. Machtkampf oder «feudale Reaktion»? // JGO. 1970. Bd. 18. Hf. 4. S. 496 – 502; Idem. Elena Vasil'evna Glinskaja // Ibid. 1971. Bd. 19. Hf. 4. S. 495; Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. Köln; Wien, 1972. S. 228 – 229, 256.

³⁶ Kollmann N. S. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345 – 1547. Stanford, 1987. P. 4 – 8, 161 – 181.

³⁷ Kollmann N. S. The Grand Prince in Muscovite Politics: The Problem of Genre in Sources on Ivan's Minority // Russian History. 1987. Vol. 14. Fasc. 1 – 4. P. 293 – 313.

ковское самодержавие проявлялось не только в идеологии, и государю в этой политической системе принадлежала куда более значительная роль, чем ритуально-представительские функции. Тезис о том, что бояре будто бы на равных с великим князем участвовали в процессе принятия решений, представляется совершенно необоснованным. В годы малолетства Ивана IV бояре действительно сосредоточили в своих руках высшую власть (хотя неправомерно, как это делает Коллманн³⁸, исключать из сферы реальной политики влиятельных дьяков, дворецких, казначеев, а также митрополитов), но значит ли это, что политические отношения того времени являлись «нормальными», обычными и могут быть экстраполированы на весь период XV – XVI вв.? Скорее наоборот: обстановка 30 – 40-х гг. XVI в. может быть охарактеризована как экстремальная, кризисная. Обоснованию этого тезиса и посвящена данная книга.

В недавно опубликованной статье о малолетстве Ивана IV другой американский историк, Чарльз Гальперин, избрал в качестве отправной точки своего исследования парадокс, который ранее привлек внимание Коллманн: и летописи, и документы той эпохи изображают юного государя принимающим все важнейшие решения, несмотря на тот очевидный факт, что Иван был тогда ребенком. Ч. Гальперин, однако, привел многочисленные свидетельства того, что современники нисколько не заблуждались относительно истинного возраста великого князя³⁹. По его мнению, их слова, приписывающие все решения государю, имели не буквальное, а символическое значение: в этом проявился «центральный элемент московской идеологии» – культ правителя, монополизация всей легитимной власти в лице монарха⁴⁰.

Думается, однако, что затронутая здесь проблема не может быть сведена к идеологии, символике и монархическому культу. Разумеется, малолетство Ивана IV не было тайной ни для его подданных, ни для правителей соседних государств (собственно, никто из историков никогда не утверждал обратного!). Но важно понять, какие практические последствия имел этот очевидный факт: почему со смертью Василия III сразу возникла внутренняя нестабильность, а удельные братья покойного вдруг оказались в центре всеобщего внимания? Каковы были полномочия тех лиц, кто правил от имени юного Ивана IV, и было ли возможно регентство в стране, где, как полагает Гальперин, вся легитимная власть была сосредоточена в особе монарха? Иными словами, очень важен институциональный аспект проблемы, вопрос о делегировании власти и функциях государя в тогдашней политической системе – вопрос, который Гальперин в своем исследовании совершенно обходит стороной⁴¹.

В новейшей отечественной историографии заметна тенденция к некоторой «реабилитации» «боярского правления». Так, Р. Г. Скрынников отмечает, что, хотя борьба придворных группировок за власть носила ожесточенный характер, она «не сопровождалась ни феодальной анархией, ни массовыми репрессиями. Жертвами их стали немногие лица»⁴². Однако взамен отвергнутой концепции Соловьева – Смирнова в современной науке не предложено какого-либо нового комплексного объяснения событий 30 – 40-х гг. XVI в. В суждениях, высказываемых по данному поводу в новейшей литературе, эклектично соединяются старые и новые историографические представления: с одной стороны, как положительные явления оцениваются ликвидация уделов в 1530-е гг., проведение денежной и губной реформ, поместное верстание;

³⁸ Kollmann N. S. Kinship and Politics. P. 46 – 54.

³⁹ Halperin C. The Minority of Ivan IV // *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey* / Ed. by Chester S. L. Dunning, Russell E. Martin, and Daniel Rowland. Bloomington (Indiana), 2008. P. 41 – 52. Благодарю Ч. Гальперина за присылку мне копии этой статьи.

⁴⁰ Halperin C. The Minority of Ivan IV. P. 51.

⁴¹ Напрасно Ч. Гальперин, полемизируя с автором этих строк, ссылается на «институциональную память» о малолетстве Дмитрия Донского и Василия II, которая-де должна была помочь «москвитам» в ситуации 1533 г. (Halperin C. The Minority of Ivan IV. P. 50). К сожалению, американский историк не уточняет, как применялись эти давние «уроки» в 30 – 40-е гг. XVI в.: в источниках на сей счет нет никаких указаний. К тому же первый приведенный им пример явно неудачен: детство великого князя Дмитрия Ивановича прошло сравнительно спокойно – в отличие от периодов малолетства Василия II и Ивана IV.

⁴² Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 89.

с другой – в вину боярским правителям ставятся расхищение земель и государственных доходов и иные злоупотребления властью (В. Д. Назаров), безудержный произвол временщиков, расшатывание «элементарного порядка в стране» (В. М. Панеях). Само «боярское правление», как и прежде, представляется в виде череды сменявших друг друга у власти «с калейдоскопической быстротой» группировок⁴³.

Итак, социологическая схема, противопоставлявшая «прогрессивные» силы централизации в лице великого князя и дворянства «реакционному» боярству, якобы мечтавшему о реставрации порядков удельной раздробленности, уже несколько десятилетий назад была отвергнута исторической наукой. Но и морализаторские оценки событий 1530 – 1540-х гг., преобладающие в современной литературе, также не приближают нас к пониманию изучаемой эпохи.

На мой взгляд, концептуальной основой для нового «прочтения» истории 30 – 40-х гг. XVI в. может служить понятие «политический кризис». В политологии это понятие используется для обозначения особого состояния политической системы, характеризующегося нестабильностью, разбалансированностью деятельности политических институтов, снижением уровня управляемости во всех сферах жизни общества и т.п.⁴⁴ Применительно к рассматриваемой исторической эпохе данный термин уже не раз употреблялся исследователями⁴⁵, но задача состоит в том, чтобы попытаться систематически описать проявления кризиса в сфере внутренней и внешней политики страны, определить его хронологические рамки и последствия.

---

⁴³ Назаров В. Д. Боярское правление // Отечественная история: энциклопедия. Т. 1. С. 282 – 283; Панеях В. М. Русь в XV – XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 55 – 57.

⁴⁴ См.: Политическая энциклопедия / Рук. проекта Г. Ю. Семигин. В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 590.

⁴⁵ О «политическом и социальном кризисе» применительно к 30 – 40-м гг. XVI в. писал еще в 1985 г. Н. Е. Носов, см.: Носов Н. Е. Социальная борьба и «земское устройство» в России в 30 – 40-х годах XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 132, 139. О том, что Московия «приближалась» тогда «к политическому кризису», говорит и Н. Ш. Коллманн: Kollmann N. S. Kinship and Politics. P. 162. Тот же термин использует В. М. Панеях, см. его очерк в кн.: Власть и реформы. С. 55.

2. Замысел исследования

Исходная гипотеза данного исследования состоит в том, что первопричиной возникшего в декабре 1533 г. кризиса власти явилась не пресловутая «злокозненность» бояр, как это изобразилось в официальном летописании времен Ивана Грозного и в последующей историографии, а сам факт малолетства великого князя, наследовавшего умершему Василию III. Понятно, что ни в какую эпоху трехлетний ребенок не может лично управлять страной. Поэтому на первый план выдвигается вопрос: как могла функционировать монархия при недееспособном государе?

Здесь уместно напомнить, что с подобными проблемами сталкивалась не только Московия. Малолетний король на троне – явление, хорошо знакомое Европе эпохи Средневековья и начала Нового времени. По подсчетам французского историка Андре Корвизье, в XIII – XV вв. известен 31 случай вступления на престол несовершеннолетних монархов, что составляет 29,5 % всех коронаций того времени; в XVI – XVIII вв. таких случаев было 25 (из них 5 относятся к России), или 15 % всех коронаций⁴⁶.

Регентство по причине малолетства короля – не только сравнительно частое, но и весьма продолжительное явление в истории некоторых европейских стран. Так, согласно данным, приведенным немецким историком права Армином Вольфом, в Кастилии конца XIII – начала XV в. из 124 лет (1295 – 1419) 55 пришлось на периоды регентства, а во Франции второй половины XIV – конца XV в. из 134 лет (1356 – 1490) регенты в общей сложности находились у власти в течение 51 года. Ну, а своего рода европейский рекорд здесь принадлежит Шотландии: в этой стране с 1406 по 1587 г. на протяжении шести поколений (из семи) на престол вступали малолетние короли⁴⁷.

Таким образом, ситуацию, сложившуюся в Русском государстве с восшествием в декабре 1533 г. на великокняжеский престол трехлетнего Ивана IV, никак нельзя считать уникальной. Вместе с тем можно предположить, что в различных странах осуществление власти от имени малолетнего государя имело свою специфику. К сожалению, в России не сложилось ни исторической, ни историко-правовой традиции изучения института регентства. Европейский опыт, где такая традиция есть⁴⁸, способен «подсказать» нам некоторые важные вопросы, которые заслуживают изучения: регулировались ли полномочия регента какими-либо правовыми нормами, как это было в Священной Римской империи (применительно к курфюрстам) со времен Золотой буллы (1356) или во Франции со времен ордонансов 1374 – 1393 гг.⁴⁹ И в частности, мог ли регент издавать какие-либо официальные акты от своего имени, а не от имени малолетнего монарха?

Однако вопрос о полномочиях регента – это лишь часть более общей проблемы делегирования власти в российской монархии эпохи позднего Средневековья. Из-за скудости источников до сих пор остается неясным, как распределялись функции между государем и его советниками в Московии XVI в. Характерны признания современных исследователей о том, что личная роль царя в проведении преобразований 1550-х гг. не поддается определению⁵⁰. Но

---

⁴⁶ Corvisier A. Les régences en Europe: Essai sur les délégations de pouvoirs souverains. Paris, 2002. Annexe 10. P. 282.

⁴⁷ Wolf A. Königtum Minderjähriger und das Institut der Regentschaft // Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions. T. XXXVI. L'Enfant. 2ème partie: Europe médiévale et moderne. Bruxelles, 1976. S. 97, 98.

⁴⁸ Помимо книги А. Корвизье и статьи А. Вольфа, указанных в предыдущих сносках, о проблеме регентства в связи с малолетством монарха см.: Carpenter D. A. The Minority of Henry III. London, 1990; Offergeld Th. Reges pueri: Das Königtum Minderjähriger im frühen Mittelalter. Hannover, 2001; Puppel P. Die Regentin. Vormundschaftliche Herrschaft in Hessen 1500 – 1700. Frankfurt am Main; New York, 2004; и др.

⁴⁹ Wolf A. Königtum Minderjähriger. S. 100.

⁵⁰ Crummey R. O. The Formation of Muscovy 1304 – 1613. London & New York, 1987. P. 148; Флоря Б. Н. Иван Грозный.

применительно к 30 – 40-м подобной загадки не возникает: юный государь, будучи ребенком, а затем подростком, не мог играть какой-либо самостоятельной роли в управлении страной, за исключением осуществления представительских функций (в частности, приема послов). Следовательно, реальные рычаги власти находились в руках других лиц, стоявших у трона. Изучение механизма принятия решений в годы малолетства Ивана IV, с одной стороны, и управленческой рутины, с другой стороны, – одна из задач настоящего исследования.

Таким образом, предлагаемая работа задумана в русле институциональной, или «конституционной», истории (constitutional history, Verfassungsgeschichte). Ограничивая хронологические рамки исследования сравнительно коротким периодом (примерно 15 лет – с декабря 1533 до конца 1548 г.), я стремился через детальный анализ придворной борьбы и практики управления понять некоторые важнейшие особенности устройства и функционирования русской позднесредневековой монархии.

В отличие от привычного институционального подхода, ассоциируемого с наследием знаменитой юридической школы и изучением государственных учреждений, в данном исследовании большое внимание уделено политической культуре описываемой эпохи, т.е. представлениям людей того времени о власти и неписаным правилам поведения, существовавшим в придворном обществе⁵¹. Поэтому можно, скорее, говорить о неoinституциональном подходе⁵², который позволяет поместить изучаемые политические структуры в определенный социокультурный контекст и тем самым избежать ненужной модернизации реалий XVI в. и неоправданных параллелей с институтами власти Нового и Новейшего времени.

В соответствии с изложенным выше замыслом исследования, предлагаемая книга состоит из двух частей. В первой части анализируются перипетии борьбы за власть при московском дворе в 30 – 40-х гг. XVI в., которая рассматривается как одно из проявлений острого политического кризиса, вызванного фактической недееспособностью государя. Выделяются отдельные фазы кризиса, уточняются его хронологические рамки. Во второй части работы изучается механизм центрального управления «при боярах»: ставится вопрос о разграничении функций между государем и его советниками-боярами, анализируется персональный состав и компетенция дворцовых учреждений, Казны и дьяческого аппарата. Заключительные главы книги посвящены изучению направлений внутренней политики 30 – 40-х гг. XVI в. и ее связи с предшествующей и последующей эпохами.

М., 1999. С. 59; Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible. Pearson Education Ltd. London, etc. 2003. P. 64 – 65.

⁵¹ Термин «политическая культура» был введен в социальные науки еще в 50 – 60-х гг. XX столетия политологами Г. Алмондом и С. Верба (Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. 2nd ed. Newbury Park; L.; New Delhi, 1989), а начиная с 1980-х гг. это понятие было активно «освоено» историками. Трактовка политической культуры как совокупности «ценностей, ожиданий и неписаных правил поведения» была предложена американской исследовательницей Великой французской революции Линн Хант, см.: Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley & Los Angeles, 1984. P. 10. О «правилах игры» в политической жизни Средневековья см. интересную работу немецкого медиевиста Г. Альтхоффа: Althoff G. Spielregeln der Politik im Mittelalter. Darmstadt, 1997.

⁵² Для неoinституционального подхода, получившего большое распространение в социальных науках в последние десятилетия, характерно понимание институтов как сложившихся правил и организованных практик. Так, экономист Дуглас Норт, классик этого направления, называет институты «правилами игры» в обществе, или «ограничительными рамками, которые организуют взаимоотношения между людьми» (Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17). Подробнее о неoinституционализме см.: March J.G., Olsen J.P. Elaborating the «New Institutionalism» // The Oxford Handbook of Political Institutions / Ed. by R. A. W. Rhodes, S. A. Binder and B. A. Rockman. Oxford University Press, 2006. P. 3 – 20 (здесь же библиография).

3. Источники

В ходе исследования была предпринята попытка учесть все известные в настоящее время материалы, относящиеся к истории 30 – 40-х гг. XVI в., как опубликованные, так и архивные. С этой целью были проведены разыскания в архивохранилищах Москвы, Петербурга и Вологды; изучены также отдельные коллекции документов в Главном архиве древних актов в Варшаве, Ягеллонской библиотеке (Краков) и Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия (Берлин).

Что касается видов использованных источников, то каждая часть книги имеет свою специфику. Первая – событийная – часть исследования построена главным образом на нарративных источниках; вторая часть, которая посвящена структурам центрального управления, основана на актовом материале.

Незаменимым источником информации о перипетиях борьбы за власть при московском дворе в изучаемую эпоху остаются летописи. Выше уже были упомянуты два крупнейших официальных памятника, в которых отразились события «боярского правления»: Воскресенская летопись (повествование в ней обрывается на 1541 г.) и Летописец начала царства. Оба произведения очень тенденциозны, что порой ставит историка в сложное положение, особенно в тех случаях, когда указанные летописи прямо противоречат друг другу (как, например, в рассказе об аресте удельного князя Юрия Дмитровского), а иных источников информации нет. К счастью, подобные ситуации возникают нечасто, поскольку ключевые эпизоды 30 – 40-х гг. XVI в. отразились не в одном-двух, а в трех-четырех различных летописных текстах, что дает возможность для сопоставлений и необходимых корректировок. Особо нужно подчеркнуть значение сравнительно раннего (конец 1540-х гг.) и хорошо осведомленного о придворной жизни Постниковского летописца. Ценны и свидетельства новгородских и псковских летописей, которые представляют ряд эпизодов совершенно в ином свете, чем официальное московское летописание.

От царского архива XVI в. до нашего времени дошли только отдельные фрагменты, но среди сохранившихся дел есть настоящие жемчужины, как, например, челобитная Ивана Яганова, тайного осведомителя великого князя при удельном Дмитровском дворе, написанная на имя юного Ивана IV в первой половине 1534 г.⁵³ В том же ряду нужно упомянуть комплекс документов, относящихся к переговорам великой княгини Елены Глинской и митрополита Даниила с удельным князем Андреем Ивановичем весной 1537 г., накануне Старицкого «мятежа»; часть этих грамот остается неопубликованной⁵⁴.

Тайны московского двора живо интересовали соседей Русского государства, поэтому немало сведений о политической жизни России 30 – 40-х гг. сохранилось в источниках иностранного происхождения. Они, в частности, проливают новый свет на персональный состав опекунского совета при юном Иване IV в первые месяцы после смерти его отца, Василия III, и прямо говорят об особой близости правительницы Елены Глинской с боярином кн. И. Ф. Овчиной Оболенским, о чем русские источники предпочитают деликатно умалчивать⁵⁵. Весьма информативны также показания перебежчиков о расстановке сил при московском дворе летом 1534 г., отложившиеся в архиве тогдашнего литовского гетмана Юрия Радзивилла⁵⁶.

---

⁵³ См.: Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова // РД. М., 2000. Вып. 6. С. 17 – 24.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 375 (Исторические сочинения). 1537 г. Д. 1.

⁵⁵ См.: Кром М. М. «Записки» С. Герберштейна и польские известия о регентстве Елены Глинской // ВИД. СПб., 1994. [Т.] XXV. С. 77 – 86.

⁵⁶ Упомянутые документы опубликованы автором этих строк вместе с другими материалами Радзивилловского архива первой половины XVI в., см.: РА. М.; Варшава, 2002. № 31, 32, 38, 39, 45, 46. С. 85 – 87, 96 – 100, 113 – 117.

Разумеется, многие слухи о событиях в Московии, которые пересказывали друг другу польские и литовские сановники и которые узнавал от своих виленских корреспондентов прусский герцог Альбрехт⁵⁷, на поверку оказываются недостоверными. Но и они представляют несомненный интерес для исследователя как источник для изучения настроений и ожиданий, существовавших в русском обществе в тот или иной момент на протяжении 1530 – 1540-х гг.

Ключевое значение для исследования центрального правительственного аппарата и его функций имеют официальные акты. Их систематическое изучение применительно к описываемой эпохе было начато С. М. Каштановым; им же в 1958 г. впервые опубликован хронологический перечень иммунитетных грамот 1506 – 1548 гг.⁵⁸ В результате усилий нескольких поколений ученых за полвека, прошедшие со времени публикации этого перечня, были выявлены, каталогизированы и частично изданы многие десятки грамот периода «боярского правления»⁵⁹. Эта работа была продолжена в ходе настоящего исследования; в итоге на сегодняшний день удалось учесть более 500 жалованных и указных грамот, выданных от имени Ивана IV в 1534 – 1548 гг. (каталог этих документов помещен в Приложении I к данной книге).

Хотя все официальные акты издавались от государева имени, исследователь может по упоминаниям в тексте, особенностям формуляра и пометам на обороте грамоты установить, какое должностное лицо на самом деле распорядилось выдать данный документ. Это дает возможность судить о роли того или иного сановника в повседневном управлении, а также о распределении функций между ведомствами (например, между Казной и дворцами)⁶⁰.

Особенно велики информативные возможности так называемых несудимых грамот, которые предоставляли землевладельцам иммунитет от суда местных властей (наместников и волостелей) и подчиняли их суду только высшей инстанции. Наблюдения над формуляром грамот этого типа позволяют уточнить юрисдикцию разных должностных лиц (бояр, казначеев, дворецких), а также внести ряд коррективов в привычные представления о губной реформе конца 30 – 40-х гг. XVI в.

Для просопографических штудий, т.е. изучения карьер бояр, дворецких, казначеев и дьяков исследуемого периода, важнейшим источником наряду с актовым материалом служат разрядные книги⁶¹, в которых отмечались воеводские назначения и довольно точно (по сравнению с другими источниками) указывались придворные чины. Ценную информацию о положении того или иного сановника при дворе можно почерпнуть в посольских книгах, в которых помещались списки лиц, присутствовавших на дипломатических приемах⁶². Для уточнения даты смерти интересующих нас лиц первостепенное значение имеют записи в монастырских вклад-

⁵⁷ Переписка польских и литовских сановников за интересующие нас годы опубликована в следующих изданиях: АТ. Т. XVI – XVIII. Poznań, 1960 – 1999; Elementa ad Fontium Editiones. Romae, 1979. Vol. XLVII. Там же опубликованы письма, которые получал герцог Альбрехт Прусский от своих корреспондентов из литовской столицы. Информация о московских делах, приходящая в Кенигсберг из Ливонии, остается пока не изданной; соответствующие письма хранятся в герцогском архиве (GStAPK. Herzogliches Briefarchiv, D). Хорошим подспорьем в архивных поисках могут служить опубликованные недавно краткие пересказы: Herzog Albrecht von Preussen und Livland (1534 – 1540): Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreussischen Folianten / Bearbeitet von St. Hartmann. Köln u.a., 1999.

⁵⁸ ХП. Ч. I; Каштанов С. М. Социально-политическая история. Гл. IV – VI; Его же. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 53 – 149.

⁵⁹ Значительный вклад в актовое источниковедение XVI в. внесли В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря, Л. И. Ивина, С. Н. Кистерев, А. В. Антонов, К. В. Баранов, А. В. Маштафаров и другие исследователи; их работы цитируются далее на страницах данной книги.

⁶⁰ Подробнее методика анализа актового материала, применяемая в данной работе, охарактеризована в седьмой главе книги.

⁶¹ РК 1598. М., 1966; РК 1605. Т. I. Ч. 2. М., 1977.

⁶² Наибольшее значение имеют книги сношений с Литвой и Польшей (за интересующий нас период они сохранились от 1533 – 1537 и 1542 – 1544 гг.: Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 1 – 263) и с Крымом (сохранились за 1533 – 1539 и 1545 – 1548 гг., не опубликованы: РГАДА. Ф. 123. Кн. 8, 9).

ных книгах, особенно в Троицкой книге, в которой фиксировались точные даты вкладов, в том числе – поминальных⁶³.

В своей совокупности охарактеризованные выше источники составляют надежную основу для изучения поставленных в данном исследовании проблем⁶⁴.

---

⁶³ ВКТСМ.

⁶⁴ Приведенная здесь краткая характеристика призвана лишь дать общее представление о специфике и эвристических возможностях разных видов источников, использованных в работе. Подробные источниковедческие наблюдения вплетены в ткань повествования и содержатся в каждой главе книги.

Часть I

КРИЗИС ВЛАСТИ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В 1530 – 1540-Х ГГ

Глава 1

ЗАВЕЩАНИЕ ВАСИЛИЯ III И УЧРЕЖДЕНИЕ ОПЕКИ НАД МАЛОЛЕТНИМ ИВАНOM IV

Великий князь всея Руси Василий Иванович умер в ночь с 3-го на 4-е декабря 1533 г. Его старшему сыну и наследнику Ивану (будущему Ивану Грозному) было в ту пору три года от роду; второй сын Юрий едва достиг годовалого возраста. Кому же государь вручил перед смертью бразды правления и доверил опеку над своей семьей?

Завещание Василия III не сохранилось. Исследователи приложили немало усилий, пытаясь выяснить его последнюю волю. Имеющиеся летописные свидетельства оставляют простор для различных интерпретаций событий поздней осени 1533 г.

Воскресенская летопись, памятник официального московского летописания 40-х гг. XVI в., кратко излагая предсмертные распоряжения Василия III, основную роль в них отводит митрополиту Даниилу и великой княгине Елене: благословив крестом сначала старшего сына, а затем младшего, государь «приказывает великую княгиню и дети своя отцу своему Данилу митрополиту; а великой княгине Елене приказывает под сыном своим государство дръжати до возмужения сына своего»⁶⁵.

В памятнике середины 1550-х гг., Летописце начала царства (долгое время его текст был известен исследователям в более поздней редакции в составе Никоновской летописи), высоким слогом описывается передача Василием III опеки над детьми и всей полноты власти великой княгине Елене, которая сравнивается с киевской княгиней Ольгой (в крещении – Еленой): «А приказывает великой княгине Елене свои дети и престол области державствовати скипетр великия Руси до возмужения сына своего, ведаше бо ея великий государь боголюбиву и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужествену, и всякого царьского разума исполнено сердце ея... яко во всем уподобися великой и благочестивой царице Елене – изспародительницы русской великой княгине Ольге, нареченной во святом крещении Елене. И князь великий полагает на ней все правление великого государства многога ради разума по подобию и по достоинству и богом избранну царьского правления»⁶⁶.

В 1560-х гг. панегирик Елене, которой якобы великий князь завещал «державствовати и по Бозе устряти и разсужати» до возмужания сына «вся же правления Росийскаго царствия», был включен в Степенную книгу⁶⁷, а позднее (в еще более пышной и пространной форме) – в Царственную книгу⁶⁸.

Эта возникшая под пером московских книжников середины XVI в. версия событий создавала иллюзию естественного и непосредственного перехода от великого княжения Василия III к правлению его жены; при этом драматический период конца 1533 – первой половины

---

⁶⁵ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 285.

⁶⁶ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 9 – 10.

⁶⁷ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XXI. 2-я пол. С. 613.

⁶⁸ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. XIII. 2-я пол. С. 416.

1534 г., когда Елена должна была делить власть с назначенными мужем опекунами, как бы вычеркивался из истории.

Однако в распоряжении исследователей есть и другие свидетельства о событиях декабря 1533 г. Так, по сообщению сравнительно ранней Псковской I летописи (составлена в конце 1540-х гг.), Василий III «приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану, и нарече его сам при своем животе великим князем; и приказа его беречи до 15 лет своим бояром немногим»⁶⁹.

Кроме того, еще В. Н. Татищеву⁷⁰ был известен другой, гораздо более подробный рассказ о последних распоряжениях великого князя: вошедшая в состав ряда летописей Повесть о болезни и смерти Василия III содержала обстоятельное, день за днем, описание совещаний, происходивших у постели умирающего государя, с перечислением всех присутствовавших там лиц. При этом положение великой княгини, каким оно показано в Повести, разительно отличается от характерной для официального летописания 1540 – 1550-х гг. трогательной картины передачи власти умирающим государем своей мудрой супруге.

Однако источниковедческое изучение Повести началось только в XX в. Историки конца XVIII – XIX в. подробно цитировали этот памятник при описании последних дней жизни Василия III, но при этом не сомневались в том, что сразу после смерти Василия III опека над его сыновьями и бразды правления перешли в руки вдовы великого князя, Елены Васильевны Глинской⁷¹. Эта уверенность основывалась не столько на анализе конкретных летописных свидетельств о предсмертных распоряжениях государя, сколько на общих соображениях о традиции передачи власти в Древней Руси.

От внимания С. М. Соловьева не укрылось то обстоятельство, что в цитируемой им летописной Повести нет прямых указаний на передачу власти умирающим своей супруге. Но ученый нашел этому объяснение, ссылаясь на Русскую Правду и «важное значение матери» в княжеских семьях в последующий период: «...следовательно, – писал Соловьев, – по смерти Василия опека над малолетним Иоанном и управление великим княжеством естественно принадлежали великой княгине – вдове Елене. Это делалось по обычаю, всеми признанному, подразумевавшемуся, и потому в подробном описании кончины Василия среди подробных известий о последних словах его и распоряжениях не говорится прямо о том, чтоб великий князь назначил жену свою правительницею...»⁷² Тем не менее косвенное подтверждение своей точки зрения историк нашел в словах летописца о наказе, данном Василием III незадолго до смерти ближайшим советникам (кн. М. Л. Глинскому, М. Ю. Захарьину и И. Ю. Шигоне), – о великой княгине Елене, как ей без него быть и как к ней боярам ходить. По мнению С. М. Соловьева, «последние слова о боярском хождении мы должны принимать, как прямо относящиеся к правительственному значению Елены, должны видеть здесь хождение с докладами»⁷³.

Лишь на рубеже XIX – XX вв. исследователи уделили более пристальное внимание Повести о смерти Василия III как источнику сведений о не дошедшем до нас завещании великого князя. Основываясь на тексте этого памятника, В. И. Сергеевич высказал предположение, что государь назначил правителями «десять советников, приглашенных к составлению духовной и

⁶⁹ ПЛ. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 106.

⁷⁰ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. VI. С. 137 – 139 (левый столбец; в правом столбце – сочиненная, видимо, самим Татищевым вымышленная речь Василия III к своей супруге).

⁷¹ Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1786. Т. V, ч. 1. С. 6; Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е. Кн. II. СПб., 1842. Т. VIII. Стб. 5 – 6; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 383.

⁷² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6. С. 383.

⁷³ Там же.

к выслушиванию последних приказаний великого князя»⁷⁴. Так возникла версия о существовании особого регентского совета при малолетнем Иване IV.

Эту версию подробно развил А. Е. Пресняков в статье о судьбе не дошедшего до нас завещания Василия III. В основе этой работы, не утратившей до сих пор своего научного значения, лежит тщательный источниковедческий анализ летописных текстов о кончине великого князя. Вопреки утверждениям Никоновской летописи, считает исследователь, Василий III не возложил на жену «все правление великого государства»; в своих предсмертных распоряжениях он указал «подробную программу ведения дел» и определил состав лиц, которым завещал наблюдение над выполнением своих предназначений⁷⁵.

Тогда посла стряпчего своего Якова Мансурова и дияка своего введенного Меньшого Путятина к Москве тайно по духовные грамоты деда своего и отца своего, а на Москве не повеле того сказать ни митрополиту, ни бояром. Яков же Мансуров и Меньшой Путятин приехали с Москвы вскоре и привезоша духовные деда его и отца его, великого князя Иоанна, тайно, от всех людей и от великие княгини крыющиеся...⁷⁶

В послевоенные десятилетия изучение летописной Повести и содержащейся в ней информации о последних распоряжениях Василия III было продолжено. Свое мнение по этому вопросу высказали А. А. Зимин, И. И. Смирнов, Х. Рюс, П. Ниче, Р. Г. Скрынников, С. А. Морозов, А. Л. Юрганов и другие историки. За исключением Рюса, вернувшегося к высказанной в свое время С. М. Соловьевым точке зрения о передаче Василием III власти непосредственно великой княгине Елене⁷⁷, остальные исследователи полагают, что сразу после смерти государя власть перешла к созданному им опекунскому (регентскому) совету. Однако до сих пор ученые не могут прийти к единому мнению ни о численности этого совета (по разным оценкам, в него входило от двух до десяти человек!), ни о его персональном составе. Разбор высказанных точек зрения и приведенных исследователями аргументов будет приведен ниже. Но для того, чтобы понять, как текст одного источника мог послужить основой для столь различных мнений ученых, необходимо подробнее изучить сам памятник – Повесть о смерти Василия III.

1. Повесть о смерти Василия III: вопрос о первоначальной редакции

Детальный анализ летописной Повести о смерти Василия III, ее литературной композиции и основных редакций проведен С. А. Морозовым⁷⁸. Повесть представляет собой выдающийся памятник русской литературы XVI в., а вместе с тем – ценнейший источник для изучения обстановки при московском дворе в момент перехода престола от Василия III к его малолетнему сыну Ивану.

Великий князь заболел внезапно в конце сентября 1533 г. во время поездки на охоту на Волк Ламский. Автор повести подробно описывает физическое и душевное состояние государя с момента появления первых признаков болезни до последних минут жизни великого

---

⁷⁴ Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1908. Т. 2. С. 401, прим.

⁷⁵ Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71 – 80, особенно с. 79.

⁷⁶ Цитирую по новейшему изданию: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (ПСРЛ. Т. 43) / Подгот. текста О. Л. Новиковой. М., 2004. С. 226.

⁷⁷ Rüß H. Elena Vasil'evna Glinskaja // JGO. N. F. 1971. Bd. 19. Hf. 4. S. 481 – 498, особенно с. 490.

⁷⁸ Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30 – 70-х гг. XVI века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. (РГБ. Отдел дисс., Дк 80 – 7/108. Машинопись). С. 8 – 74; Его же. Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. Сб. статей. М., 1978. С. 61 – 77; Его же. Опыт литературоведческого анализа «Повести о болезни и смерти Василия III» // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. Сб. статей. М., 1979. С. 88 – 98.

князя. Действие Повести разворачивается как бы в двух планах: с одной стороны, для летописца очень важен религиозный аспект происходящего; он подчеркивает благочестие умирающего государя. Забота о спасении души, приготовлении к монашескому постригу, различная реакция приближенных Василия III на это намерение государя (часть присутствующих его одобряет, другая часть пытается этому воспрепятствовать) – одна из важнейших сюжетных линий рассказа. С другой стороны, неизвестный нам по имени автор Повести (ни одну из предпринятых до сих пор попыток установить авторство этого произведения нельзя признать убедительной)⁷⁹ обнаруживает прекрасное знание придворной среды, для которой так много значила близость к особе государя. Поэтому летописец так скрупулезно отмечает, кто сопровождал великого князя во время его последней поездки, с кем советовался государь, кому какие распоряжения отдавал. Это внимание к персоналиям было продиктовано, вероятно, столкновением местных интересов придворной верхушки в критический момент передачи верховной власти. И именно местнический интерес, стремление подчеркнуть близость тех или иных лиц к умирающему государю скрываются, на мой взгляд, за редакторской правкой в дошедших до нас текстах Повести.

По данным Морозова, всего на сегодняшний день известно 15 списков Повести. Однако только три из них – в составе Новгородской летописи по списку Дубровского, Софийской II летописи и Постниковского летописца – отражают раннюю редакцию этого памятника. Несколько летописей содержат сокращенный текст Повести (Воскресенская, Никоновская, Летописец начала царства, Степенная книга). Остальные сохранившиеся тексты воспроизводят (с той или иной степенью переработки) пространную редакцию памятника по списку Дубровского⁸⁰.

Оставляя в стороне позднейшие переделки и сокращения памятника, сосредоточим наше внимание на ранней редакции Повести. Она известна в двух версиях: одна из них отразилась в Новгородской летописи по списку Дубровского (далее – Дубр.), другая – в Софийской II летописи (далее – Соф.) и Постниковском летописце (далее – Пост.). По мнению Морозова, тексты Повести в Соф. и Пост. восходят к общему протографу, который более полно отразился в Пост.⁸¹

Какая же из двух указанных версий ближе к первоначальной редакции и точнее передает суть событий, происходивших осенью 1533 г.?

А. А. Шахматов считал более ранней и первичной по отношению к Соф. версию Повести в составе Новгородского свода (списка Дубровского)⁸². По осторожному предположению А. Е. Преснякова, ни один из сохранившихся списков точно и полностью не передает первоначального текста памятника⁸³. А. А. Зимин принял точку зрения А. А. Шахматова о том, что текст «сказания» о смерти Василия III, написанный современником, сохранился в Новгородском своде, а позднее в Соф. подвергся редактированию; однако при этом ученый сделал оговорку,

⁷⁹ По мнению С. А. Морозова, автором был старец Мисаил Сукин (Морозов С. А. Летописные повести. С. 44 – 45). Р. Г. Скрынников склонен считать таковым дьяка Постника Моклокова (Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 82). Х. Рюс предположил, что Повесть была написана по инициативе М. Ю. Захарьина, если не им лично (*Riib* Н. Der Bojar M. Ju. Zachar'in im Chronikbericht über die letzten Tage Vasilij's III // FOG. 1980. Bd. 27. S. 172 f.). Старец Мисаил Сукин и боярин М. Ю. Захарьин действительно принадлежат к числу главных персонажей Повести, но методика определения авторства по частоте упоминания того или иного лица в изучаемом памятнике не может на сегодняшний день считаться надежной. Что же касается дьяка Постника Губина Моклокова, то, как будет показано ниже, нет никаких оснований связывать с его именем составление Повести о смерти Василия III.

⁸⁰ Морозов С. А. Летописные повести. С. 8, 21 – 41; Его же. Повесть о смерти Василия III и русские летописи. С. 61, 70 – 74; Лурье Я. С. Повесть о смерти Василия III // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. Л – Я. С. 277 – 279. См. также комментарий Н. С. Демковой к тексту Повести в изд.: БЛДР. СПб., 2000. Т. 10: XVI век. С. 564.

⁸¹ Морозов С. А. Летописные повести. С. 22.

⁸² Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. 1904 г. М., 1904. Кн. I. С. 58 – 59.

⁸³ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 74.

отметив, что и этот отредактированный вариант (т.е. Соф.) «сохранил черты первоначального текста», утраченные в Дубр.⁸⁴

Морозов полностью поддержал мнение Шахматова о первичности текста Повести в Дубр., по сравнению с Соф. и Пост., и привел новые доводы в пользу этой точки зрения⁸⁵. Я. С. Лурье с некоторой осторожностью («возможно») также согласился с таким взглядом на соотношение основных списков интересующего нас памятника⁸⁶.

В опубликованной более десяти лет назад статье автор этих строк, не проводя самостоятельного исследования текста Повести, присоединился к указанному мнению Шахматова и Морозова⁸⁷, однако в ходе дальнейшей работы над темой у меня появились серьезные сомнения в обоснованности этой точки зрения.

Между тем в литературе существуют и иные представления о соотношении двух основных версий ранней редакции Повести. В частности, Х. Рюс и Р. Г. Скрынников независимо друг от друга пришли к выводу о том, что обращение великого князя Василия к князю Д. Ф. Бельскому с «братией», которое читается только в Дубр., является более поздней тенденциозной вставкой⁸⁸. По мнению Скрынникова, текст Повести наиболее точно воспроизведен в Постниковском летописце, составленном очевидцем – дьяком Постником Губиным Моклоковым⁸⁹.

Тогда же князь велики посла к Москве по старца своего по Мисаила по Сукина; болезнь же его тяжка бысть; и посла по боярина своего по Михаила по Юрьевича. Старец же его Мисаило и боярин его Михаило Юрьевич вскоре к нему приехал...⁹⁰

Как уже говорилось выше, имеющиеся в нашем распоряжении тексты не позволяют с уверенностью судить об авторстве Повести. Едва ли дьяк Федор Постник Никитич Губин Моклоков мог быть «очевидцем» последних дней жизни Василия III, так как в источниках он упоминается только с 1542 г.⁹¹; вероятно, в 1533 г. Постник был еще слишком молод, чтобы входить в ближайшее окружение великого князя. К тому же, как показал Морозов, так называемый Постниковский летописец представляет собой выписку из летописи, а не законченное целостное произведение⁹².

Вместе с тем указанный Рюсом и Скрынниковым пример тенденциозной вставки в тексте Повести по списку Дубровского, несомненно, заслуживает внимания. Важно также учесть наблюдения Н. С. Демковой, отметившей «литературность» текста Повести в Дубр., стремление его составителя «сгладить элементы непосредственной фиксации речей и действий исторических лиц, присущие начальному авторскому тексту», лучше сохранившемуся в ряде фрагментов Соф. и Пост.⁹³

Для проверки высказанных учеными предположений относительно первоначальной редакции памятника обратимся к текстам Повести в составе трех указанных выше летописей. При этом основное внимание будет сосредоточено на тех эпизодах, которые относятся к составлению завещания Василия III и к установлению опеки над его малолетним наследником.

⁸⁴ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 390.

⁸⁵ Морозов С. А. Летописные повести. С. 24 – 30, 41. См. также автореферат его диссертации под тем же названием (М., 1979). С. 10.

⁸⁶ Лурье Я. С. Летопись Новгородская Дубровского // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 53 – 54.

⁸⁷ Кром М. М. Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутривластной борьбе конца 1533 – 1534 года // Отечественная история. 1996. № 5. С. 39.

⁸⁸ Rüß Н. Dmitrij F. Belskij // FOG. 1986. Bd. 38. S. 173 – 177; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 83.

⁸⁹ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 82; Его же. История Российская. IX – XVII вв. М., 1997. С. 480. Прим. 1.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 43. С. 226.

⁹¹ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975. С. 346.

⁹² Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 59.

⁹³ Демкова Н. С. Комментарии [к «Повести о болезни и смерти Василия III»] // БЛДР. Т. 10. С. 564.

Существенные различия между текстами Повести обнаруживаются уже при изложении первых важных распоряжений государя, осознавшего опасный характер своей болезни: Василий III, находившийся в селе Колпь, тайно послал стряпчего Якова Мансурова и дьяка Меньшого Путятина в Москву за духовными грамотами, по одной версии (Соф./Пост.) – своего отца (Ивана III) и своей; выслушав грамоты, свою духовную великий князь велел сжечь; по другой версии (Дубр.), государь посылал «по духовные грамоты» деда (т.е. Василия II) и отца, каковые и были тайно к нему привезены. Ср.:

<i>Пост. / Соф.</i>	<i>Дубр.</i>
И тогда посла стряпчего своего Якова Иванова сына Мансурова и дьяка своего Меньшого Путятина к Москве тайно по духовные грамоты оца своего и по свою, которую писал, едучи в Новгород и во Псков. А на Москве не повеле того сказывать митрополиту, ни бояром. Яков же Мансуров и Меньшой Путятин приехали с Москвы вскоре и привезоша духовные оца его и ево, от всех людей и от великие княгини утаив... И, слушав духовных, свою духовную велел жечьи*.	Тогда посла стряпчего своего Якова Мансурова и дьяка своего введенного Меньшого Путятина к Москве тайно по духовные грамоты деда своего и оца своего, а на Москве не повеле того сказати ни митрополиту, ни бояром. Яков же Мансуров и Меньшой Путятин приехали с Москвы вскоре и привезоша духовные деда его и оца его, великого князя Иоанна, тайно, от всех людей и от великие княгини кривошея...**

* ПСРЛ. Т. 34. С. 18; Т. 6. С. 268.

** Цитирую по новейшему изданию: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (ПСРЛ. Т. 43) / Подгот. текста О. Л. Новиковой. М., 2004. С. 226.

Эти разночтения стали предметом продолжительной научной дискуссии. А. А. Шахматов обратил внимание на то, что в Соф. (Пост. тогда еще не был введен в научный оборот) сначала сообщается о сожжении в пятницу Василием III своей духовной, а затем говорится о том, что в субботу великий князь велел Меньшому Путятину тайно принести духовные грамоты «и пусти в думу к себе к духовным грамотам дворецкого своего тферского Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меньшого Путятина, и нача мыслити князь велики, кого пустити в ту думу и приказати свой государев приказ»⁹⁴. Но если работа над составлением завещания началась только в субботу, то, по мнению Шахматова, предшествующее сообщение Соф. о сожжении великим князем своей первой духовной грамоты является позднейшей вставкой, а первоначальную редакцию Повести точнее передает текст Дубр.⁹⁵

А. Е. Пресняков попытался примирить обе версии рассказа: он предположил, что по приказу Василия III на Волок были доставлены духовные грамоты его деда (Василия II), отца (Ивана III) и его собственная, а затем все три были уничтожены. «Такое деяние, смутившее позднейших летописателей, – считает ученый, – побудило их сперва ограничить известие [имеется в виду версия Соф. – Пост., где упоминается только о сожжении одной грамоты – самого Василия III. – М. К.], а затем и вовсе его выкинуть из текста»⁹⁶. Однако эту попытку объединить противоречащие друг другу известия нельзя признать удачной.

Как показал А. А. Зимин, нет никаких оснований считать, что завещания Василия II и Ивана III были уничтожены⁹⁷. Эти духовные грамоты до нас дошли (первая – в подлиннике, вторая – в списке начала XVI в.)⁹⁸. Зимин считал, что первоначален именно текст Соф. и что уничтожена была первая духовная грамота Василия III, составленная в конце 1509 г.⁹⁹ Что же касается аргументов Шахматова, то Зимин отводил их на том основании, что духовная Василия III вполне могла быть уничтожена еще в пятницу на тайном совещании великого князя с М. Путятиным и И. Ю. Шигоней, до начала субботнего обсуждения вопроса о завещании с боярами¹⁰⁰.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 6. С. 268. Тот же текст читается и в Пост.: Т. 34. С. 18.

⁹⁵ Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. С. 58 – 59.

⁹⁶ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 75 – 76.

⁹⁷ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 393 и прим. 95.

⁹⁸ ДДГ. № 61, 89. С. 193 – 199, 353 – 364.

⁹⁹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 393.

¹⁰⁰ Там же. С. 392. Прим. 94.

Морозов, комментируя данный эпизод, поддержал точку зрения Шахматова и привел еще один довод в пользу первичности версии Дубр.: по его наблюдениям, в текстах Соф. и Пост. духовные грамоты, которые великий князь распорядился привезти, упоминаются неизменно только во множественном числе, даже после сообщения о сожжении прежней грамоты Василия Ивановича. На этом основании исследователь пришел к выводу, что данный текст в протографе Соф. и Пост. восходил к редакции Повести, отразившейся в Дубр.¹⁰¹ Считая упоминание о духовной Василия III и об ее уничтожении редакторской вставкой, Морозов, однако, посчитал необходимым сделать оговорку о том, что он не оспаривает ни факт существования первой духовной Василия III, ни возможность ее уничтожения в 1533 г.; просто, по его мнению, эта информация осталась неизвестной составителю текста Повести в Новгородском своде (Дубр.), но могла быть доступна редактору протографа Соф. и Пост.¹⁰²

Получается, если принять точку зрения Морозова, что составитель первоначальной редакции Повести, отразившейся, по мнению ученого, в Дубр., не знал точно, за какими именно грамотами посылал в Москву Василий III; позднее редактор-составитель протографа Повести в Соф. и Пост. каким-то образом проник в тайну, известную только самому узкому кругу приближенных великого князя, и внес соответствующую правку в текст. С такой интерпретацией невозможно согласиться.

Во-первых, соотношение двух летописных версий упомянутого эпизода могло быть обратным тому, которое предположили Шахматов и Морозов. Дело в том, что в Соф. и Пост. слово «грамоты» во множественном числе употреблено применительно к духовным Ивана III: великий князь послал стряпчего Якова Мансурова и дьяка Меньшого Путятин «по духовные грамоты отца своего и по свою»; и ниже: Мансуров и Путятин «привезоша духовные отца его и ево»¹⁰³ (выделено мной. – М. К.). Можно предположить, что речь шла не только об известной нам в списке начала XVI в. духовной Ивана III 1504 г.¹⁰⁴, но и о каком-то другом документе, например – духовной записи, составленной в дополнение к завещанию. Практика подобных записей-дополнений к духовной грамоте существовала в XV – начале XVI в.¹⁰⁵ Можно предложить и другой вариант объяснения. Дело в том, что наряду с завещанием Ивана III до нас дошел целый ряд грамот (данная, отводная, разъезжие), которыми оформлялись сделанные великим князем в конце жизни пожалования своим младшим сыновьям Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею на дворы в Москве, а также Юрию – на города Кашин, Дмитров, Рузу и Звенигород¹⁰⁶. Естественно предположить, что весь этот комплекс грамот, касавшихся разграничения великокняжеского «домена» с владениями удельных князей, был затребован Василием III в 1533 г. вместе с завещанием его отца. Возможно, летописец обобщенно назвал все грамоты 1504 г., составлявшие вместе с собственно завещанием Ивана III его наследие, «духовными» отца великого князя Василия. Если это предположение верно, то отпадает основной аргумент Морозова, на котором строится тезис о вторичности версии Пост./Соф. по отношению к Дубр.

Во-вторых, умолчание составителя Дубр. о судьбе первого завещания Василия III едва ли можно объяснить неосведомленностью летописца, как это представляется Морозову. Скорее мы имеем здесь дело с целенаправленной и тенденциозной редакторской правкой: желая скрыть факт сожжения великим князем своей первой духовной, составитель Дубр. предпочел

¹⁰¹ Морозов С. А. Летописные повести. С. 24 – 26.

¹⁰² Там же. С. 27. Прим. 66.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 34. С. 18; Т. 6. С. 268.

¹⁰⁴ ДДГ. № 89. С. 353 – 364.

¹⁰⁵ Сохранились приписная грамота Василия II к его духовной 1461/62 г. (ДДГ. № 61 (б). С. 198 – 199), приписной список («память») к духовной князя Вереяского и Белоозерского Михаила Андреевича, ок. 1486 г. (Там же. № 80 (г). С. 311 – 312), а также духовная запись Василия III от июня 1523 г. к его, по-видимому, уничтоженной в 1533 г. духовной грамоте 1509 г. (Там же. № 100. С. 415).

¹⁰⁶ ДДГ. № 91 – 97. С. 370 – 406.

вообще не упоминать о ее существовании, а чтобы слово «грамоты» по-прежнему можно было употреблять в тексте во множественном числе, добавил ссылку на духовную деда великого князя (хотя осенью 1533 г. обращение к завещанию Василия II выглядело бы странным анахронизмом: этот документ к тому времени давно уже утратил актуальность).

О возможных мотивах подобного умолчания вполне убедительно писал еще А. Е. Пресняков: «деяние, смутившее позднейших летописателей» – так, по его мнению, уже приведенному мною выше, должен был восприниматься факт уничтожения великим князем своей духовной. В этой связи заслуживает внимания предположение Н. С. Демковой о том, что хроника болезни и смерти Василия III создавалась как подготовительный материал для будущего жития; причем соответствующая литературная стилизация особенно характерна для текста Повести в составе Дубр. Именно этот текст, как отмечает исследовательница, был включен в Великие Минеи-Четии митрополита Макария¹⁰⁷.

Таким образом, есть основания полагать, что редакция интересующего нас эпизода в Дубр. – это пример подобной правки, имевшей целью устранение из текста чересчур реалистичных деталей, не соответствовавших канону житийной литературы. Другие подобные примеры будут приведены ниже.

* * *

Как только духовные грамоты были доставлены на Волок к великому князю, состоялось первое отмеченное летописцем совещание («дума») государя с наиболее доверенными лицами: в ночь с субботы на воскресенье 25 – 26 октября («против Дмитриева дня») Василий III совещался с дьяком Г. Н. Меньшим Путятиным и дворецким И. Ю. Шигоной о том, кого еще пригласить к составлению духовной. Летописец перечисляет бояр, бывших в то время с великим князем на Волоке: князя Дмитрий Федорович Бельский, Иван Васильевич Шуйский, Михаил Львович Глинский, дворецкие кн. Иван Иванович Кубенский и Иван Юрьевич Шигона¹⁰⁸.

И вы, брате, постойте крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь и чтоб была в земле правда; да приказываю вам своих сестричичев, князя Дмитрия Феодоровича Белского з братиею и князя Михаила Лвовича Глинского, занеже князь Михайло по жене моей мне племя, чтобы есте были вопче, дела бы есте делали за один; а вы бы, мои сестричичи князь Дмитрей з братиею, о ратных делех и о земском строение стояли за один, а сыну бы есте моему служили прямо; а ты б, князь Михайло Глинской, за моего сына князя Иванна, и за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролиял и тело свое на раздробление дал¹⁰⁹.

Приведенный эпизод одинаково изложен во всех трех летописях, далее, однако, начинаются разночтения. В Пост. и Соф. затем рассказывается о посылке по приказу великого князя в Москву за боярином Михаилом Юрьевичем Захарьиным, который вскоре приехал на Волок. В Дубр. же говорится о посылке за старцем Мисаилом Сукиным и боярином М. Ю. Захарьиным; ср.:

<i>Соф. / Пост.</i>	<i>Дубр.</i>
Тогда же князь велики посла к Москве по боярина своего по Михайла по Юрьевича Захарына, и боярин его Михайло Юрьевич вскоре к нему приеха (в Пост.: приехаша) *.	Тогда же князь велики посла к Москве по старца своего по Мисаила по Сукина; болезнь же его тшкя бысть; и посла по боярина своего по Михайла по Юрьевича. Старец же его Мисаило и боярин его Михайло Юрьевич вскоре к нему приехаша...*

* ПСРЛ. Т. 6. С. 268; Т. 34. С. 19.

¹⁰⁷ Демкова Н. С. Комментарии [к «Повести о болезни и смерти Василия III»]. С. 563, 564.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 19; Т. 6. С. 268. Так же в Дубр. (единственное отличие – И. Ю. Шигона ошибочно назван «князем»): Т. 43. С. 226.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 43. С. 228.

** ПСРЛ. Т. 43. С. 226.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Пост. в известии о приезде на Волок боярина М. Ю. Захарьина глагол стоит во множественном числе прошедшего времени («приехаша»), как будто речь шла о прибытии нескольких лиц. Подобная непоследовательность в употреблении глагольных форм, по наблюдению С. А. Морозова, характерна для текста Повести по списку Пост. и встречается как раз в тех местах, где текст первоисточника подвергся редакторской правке; в Соф. эти глагольные формы приведены в соответствие с существительными, т.е. следы правки устранены¹¹⁰. Действительно, в данном случае мы, по-видимому, имеем дело с редакторской правкой в Пост./Соф., в результате которой известие о приезде на Волок к великому князю старца Мисаила Сукина было устранено из первоначального текста Повести. Что старец Мисаил действительно был на Волоке с великим князем, явствует из последующего упоминания, которое читается не только в Дубр., но и в Пост./Соф.: «Еще же бе князь велики на Волоци, приказал отцу своему духовному протопопу Алексею да старцу Мисаилу Сукину, чтобы есте того не учинили, что вам мене положить в белом платье...»¹¹¹ (выделено мной. – М. К.).

В следующем совещании – о том, как великому князю ехать к Москве, – участвовали все бояре и дьяки, сопровождавшие государя. Поскольку бояре, находившиеся с Василием III на Волоке, были уже перечислены выше, летописец в Соф. и Пост. говорит о них обобщенно: «И нача мыслити князь велики с бояры своими, которые с ним», зато дьяков называет поименно: Елизар Цыплятев, Афанасий Курицын, Меньшой Путятин, Третьяк Раков¹¹².

А. Е. Пресняков, а вслед за ним С. А. Морозов усмотрели здесь редакторскую правку составителя версии Пост./Соф.: по мнению названных ученых, в первоначальном тексте Повести список бояр, сопровождавших великого князя, был приведен полностью дважды (до и после приезда М. Ю. Захарьина) – так, как читается в Дубр. и других списках, – а редактор Пост./Соф. сократил этот перечень, впрочем, без какого-либо политического умысла¹¹³. Однако с неменьшей вероятностью можно предположить обратное соотношение этих редакций, а именно что к первоначальному тексту ближе вариант Пост./Соф., в то время как в Дубр. сделана позднейшая вставка.

Присмотримся внимательнее к изложению данного эпизода в списке Дубр. Помещенный там текст гласит: «...и нача мыслити князь велики з бояры, а тогда бысть у него бояр: князь Дмитрий Федорович Белской, и князь Васильевич [так! – М. К.] Шуйской, и Михаил Юрьевич, да князь Михайло Лвович Глинской, и дворецкие его князь Иван Иванович Кубенской, Иван Юрьевич Шигона, и дьяки его Григорей Меншой Путятин и Елизар Цыплятев, Афонасей Курицын, Третьяк Раков»¹¹⁴. Летописец продублировал содержащийся выше список бояр, сопровождавших Василия III на Волоке, и добавил к этому перечню приехавшего из Москвы М. Ю. Захарьина, но при этом почему-то пропустил имя князя Ивана Васильевича Шуйского, указав только отчество и родовое прозвание. Этот пропуск трудно объяснить, если считать, что составитель Дубр. просто копировал имевшийся у него оригинальный текст Повести. Едва ли в данном случае имела место механическая описка, поскольку, как мы увидим в дальнейшем, составитель Дубр. путал между собой двух братьев Шуйских – Ивана и Василия. Поэтому наиболее вероятным представляется следующее объяснение приведенного пассажи. Вполне возможно, что в первоначальном тексте действительно стояла фраза: «И нача

¹¹⁰ Морозов С. А. Летописные повести. С. 22 – 23.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270. Ср. в Дубр.: Т. 43. С. 227 (подробнее о роли М. Сукина).

¹¹² ПСРЛ. Т. 6. С. 268; Т. 34. С. 19.

¹¹³ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 76 – 77; Морозов С. А. Летописные повести. С. 27.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 226.

мыслити князь велики с бояры своими, которые с ним». Но составитель или редактор Дубр., проявлявший, как явствует из его текста, особое внимание к придворной иерархии, посчитал такое общее упоминание бояр недостаточным: действительно, при такой редакции текста не совсем ясно, принял ли участие в совещании срочно приехавший из Москвы боярин М. Ю. Захарьин. Составитель Дубр. постарался устранить всякую неясность в этом важном (по местническим соображениям) вопросе и повторил уже известный список бояр, добавив к нему М. Ю. Захарьина; но не зная точно, какой из братьев Шуйских участвовал в той «думе» на Волоке, он написал его просто без имени.

Результатом упомянутого совещания стал «приговор» великого князя с боярами о поездке на богомолье в Иосифо-Волоколамский монастырь. Помолившись в этой обители, государь направился к столице, делая частые остановки из-за мучившей его болезни. В селе Воробьево великого князя посетили церковные иерархи во главе с митрополитом Даниилом, а также бояре, остававшиеся осенью в Москве (кн. Василий Васильевич Шуйский, Михаил Семенович Воронцов и казначей Петр Иванович Головин), и многие дети боярские¹¹⁵.

При описании этого эпизода составитель Дубр. вновь не избежал ошибки: в числе бояр, приехавших к великому князю из Москвы в Воробьево, он назвал вместо князя Василия Васильевича Шуйского его брата Ивана, который на самом деле сопровождал государя в течение всей долгой поездки¹¹⁶.

Далее в Повести подробно описывается въезд тяжело больного государя в Москву, в Кремль. Там в «постельных хоромаш» Василий III отдал последние распоряжения о судьбе престола и управлении страной своим ближайшим советникам.

Летописец поименно перечисляет бояр и дьяков, которых призвал к себе великий князь по приезде в Москву 23 ноября: кн. В. В. Шуйский, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов, казначей П. И. Головин, тверской дворецкий И. Ю. Шигона, дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишурин. Им государь стал говорить «о своем сыну о князе Иване, и о своем великом княжении, и о своей духовной грамоте, понеже бо сын его млад, токмо трех лет на четвертой, и как строитися царству после его»¹¹⁷. Дьякам Меньшому Путятину и Ф. Мишурину было приказано писать великокняжескую духовную.

В этом месте составитель Дубр. вновь прибегнул к редакторской правке. Ему, очевидно, было важно показать, что Федор Мишурин занимал значительно более низкое место в дьяческой иерархии, чем Меньшой Путятин, и поэтому сообщение о писании духовной приобрело в Дубр. следующий вид: «И тогда князь велики приказа писати духовную свою грамоту дьяку своему Григорию Никитину и [так! – М. К.] Меньшому Путятину, и у него велел быти в товарищех дьяку же своему Федору Мишурину»¹¹⁸ (выделено мной. – М. К.). Этот местнический подтекст совершенно отсутствует в соответствующем известии Пост./Соф.: «И тогда князь великий приказа писати духовную грамоту диаком своим Меньшому Путятину да Федору Мишурину»¹¹⁹. В этом сообщении обоим дьякам отведена одинаково почетная роль, они изображены занимающими равное положение при дворе.

Во время многомесячного отсутствия государя в столице оставалось несколько бояр – «ведать Москву», как говорили в более поздние времена. Из текста Повести можно понять, что эту функцию исполняли тогда кн. В. В. Шуйский, М. С. Воронцов, казначей П. И. Головин и, вероятно, М. Ю. Захарьин, но последний, как уже говорилось, был срочно вызван к государю

¹¹⁵ Так в Пост. и Соф.: ПСРЛ. Т. 34. С. 19; Т. 6. С. 269.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 43. С. 227.

¹¹⁷ Так во всех трех летописях: ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270; Т. 43. С. 227.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 43. С. 227.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270.

на Волок, когда болезнь Василия III приобрела опасный для жизни характер и встал вопрос о составлении нового великокняжеского завещания.

С возвращением Василия III в Москву единство государственной думы было восстановлено, но при этом не обошлось без драматических коллизий. В приведенном выше списке из семи доверенных лиц, приглашенных к составлению великокняжеской духовной, не нашлось места для князей Д. Ф. Бельского, И. В. Шуйского, М. Л. Глинского, И. И. Кубенского и нескольких дьяков, сопровождавших Василия III в поездке и участвовавших в совещании на Волоке. Отголоски придворной борьбы (местнической по своей природе) за право быть рядом с умирающим государем и присутствовать при составлении его завещания слышны в словах летописца: «Тогда же князь велики прибави к собе в думу к духовной грамоте бояр своих князя Ивана Васильевича Шуйского, да Михаила Васильевича Тучкова, да князя Михаила Львовича Глинского. Князя же Михаила Львовича Глинского прибавил потому, поговоря з бояры, что он в родстве жене его, великой княгине Елене»¹²⁰.

Примечательно, что включение в «думу к духовной грамоте» кн. И. В. Шуйского и М. В. Тучкова не потребовало каких-либо объяснений, зато в отношении кн. М. Л. Глинского понадобилась особая мотивировка (родство с великой княгиней). Очевидно, приближение ко двору литовских княжат вызывало раздражение в среде старинной московской знати, которое великому князю приходилось преодолевать¹²¹. Чуть ниже мы разберем еще один упоминаемый в Повести эпизод, который проливает свет на свойственную придворной среде неприязнь к «чужакам».

Боярин же его [Василия III. – М.К.] Михайло Юрьевич, поговоря с митрополитом и з братьею великого князя и з бояры, и повеле во Архангыле ископати гроб, подле отца его великого князя Ивана Васильевича... и, поговоря с митрополитом, Михайло Юрьевич послаша по постел[ни]чиво Русина Иванова сына Семенова, снем с него меру, и повеле ему гроб привести камен¹²².

Итак, круг ближайших советников, допущенных к составлению великокняжеского завещания, был окончательно определен: в него вошло десять человек. Им Василий III стал «приказывати о своем сыну великом князе Иване, и о великой княгине Елене, и о своем сыну князи Юрьи Васильевиче, и о своей духовной грамоте»¹²³.

Далее в Повести рассказывается о приготовлениях великого князя к принятию монашеского сана; причем в списке Дубр. настойчиво подчеркивается роль старца Мисаила Сукина в этих приготовлениях¹²⁴.

В воскресенье, 30 ноября, великий князь, причастившись, призвал к себе митрополита Даниила, братьев своих – князей Юрия и Андрея и всех бояр. Он обратился к ним с речью: «Приказываю своего сына великого князя Ивана Богу и Пречистой Богородице, и святым чудотворцем, и тебе, отцу своему Данилу, митрополиту всеа Руси. И даю ему свое государьство, которым меня благословил отец мой государь князь великий Иван Васильевич всеа Руси»¹²⁵. Своим братьям государь дал такой наказ: «А вы бы, моя братия князь Юрьи и князь Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем есмя крест целовали, и крепости промеж нами,

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270. Так же в Дубр., за исключением ошибочного титулования М. В. Тучкова «князем» (ПСРЛ. Т. 43. С. 227).

¹²¹ С. А. Морозов предположил, что на кандидатуре кн. М. Л. Глинского настояли кн. В. В. Шуйский, П. И. Головин и другие участники совещания – вопреки мнению Василия III (Морозов С. А. Летописные повести. С. 70, 72 – 73). Этому необоснованному предположению противоречат как многочисленные свидетельства Повести о доверии и расположении государя к князю Михаилу Львовичу в последние дни жизни Василия III, так и последующая судьба Глинского, ставшего жертвой местнической борьбы вскоре после смерти его покровителя – великого князя.

¹²² ПСРЛ. Т. 43. С. 231.

¹²³ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270. Так же в Дубр.: ПСРЛ. Т. 43. С. 227.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 227. Ср.: Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 270.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 20. Так же в Соф. и Дубр.: Т. 6. С. 270; Т. 43. С. 228.

и о земском бы есте строении, и о ратных делах противу недругов моего сына и своих стояли общо, была бы православных хрестыян рука высока над бесерменством»¹²⁶. Наконец, от бояр, детей боярских и княжат великий князь потребовал верной службы своему наследнику: «... как есте служили нам, так бы есте ныне и впредь служили сыну моему Ивану и на недругов все были заодин, и хрестыянства от недругов берегли, а служили бы есте сыну моему прямо и неподвижно»¹²⁷.

А с нею [Еленой. – М. К.] шли бояре князь Василей Васильевич Шуйской, Михайло Семенович Воронцов, князь Михайло Лвович Глинской, князь Иван Федорович Овчина, боярыня же тогда бысть с великою княгинею князя Федора Мстиславского княгиня Анастасия, племянница великого князя, да князь Иванова Даниловича Пенково княгини Марья, да боярыня Ивана Ондреевича жена Челядина Олена, да Василя Ондреевича жена Огрофена, да Михаила Юрьевича жена Феодосия, да Василя Ивановича жена Огрофена, да князь Васильева жена Лвовича Глинского княгини Анна¹²⁸.

Затем, отпустив митрополита и своих братьев – удельных князей, государь обратился с новой речью к находившимся у него «всем боярам» (летописец называет кн. Дмитрия Федоровича Бельского «з братьею», князей Шуйских и Горбатовых, Поплевиных и кн. Михаила Львовича Глинского): «Ведаете сами, кое от великого князя Володимера киевского ведетца наше государство Владимирьское и Ноугородцкое и Московское. Мы вам государи прирожденные, а вы наша извечныя бояре. И вы, брате, постоит крепко, чтобы мой сын учинився на государстве государем...»¹²⁹ До этого места речь государя одинаково передается в сохранившихся списках Повести, но далее начинаются существенные различия между версией Пост./Соф., с одной стороны, и Дубр. – с другой:

Пост. / Соф.	Дубр.
И вы, брате (Соф.: брате), постоит крепко, чтобы мой сын учинився (Соф.: учинился) на государстве государем, была бы в земле правда и в вас бы розни некоторые не было. Да приказываю вам: Михайло Лвович Глинской (Соф.: Михайла Лвовича Глинского), человек к нам приезжий, и вы б того не молвили, что он приезжий, держите его за здешнего уроженца, занеже мне он прямой слуга. И были бы есте все вопче и дела земского и сына моего дела берегли и делали заодин. А ты б, князь Михайло Глинской, за моего сына великого князя Ивана и за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал *.	И вы, брате, постоит крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь и чтоб была в земле правда, да приказываю вам своих сестричичев, князя Дмитрия Федоровича Бельского з братиею и князя Михаила Лвовича Глинского, занеже князь Михайло по жене моей мне племя, чтобы есте были вопче, дела бы есте делали за один; а вы бы, мои сестричичи князь Дмитрий з братьею, о ратных делах и о земском строении стояли за один, а сыну бы есте моему служили прямо; а ты б, князь Михайло Глинской, за моего сына князя Ивана, и за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал **.

* ПСРЛ. Т. 34. С. 21; Т. 6. С. 271.

** ПСРЛ. Т. 43. С. 228.

Как видим, по одной версии, великий князь «приказал» боярам, т.е. поручил, рекомендовал им как своего верного слугу кн. М. Л. Глинского. По другой версии, той же чести удостоились еще и кн. Д. Ф. Бельский с братьями. Различна и аргументация: в одном случае аргументом служит «прямая» служба Глинского; во втором – родство с государем всех упомянутых лиц: Глинский – дядя жены, Бельские – «сестричичи» великого князя (они были сыновьями двоюродной сестры Василя III, княгини Анны Васильевны Рязанской¹³⁰).

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 20. В Пост. здесь пропущено несколько слов, которые восстанавливаются по Соф.: Т. 6. С. 270 – 271. В Дубр. окончание речи к братьям Юрию и Андрею звучит так: «...чтобы была православных хрестыян рука высока над бесерменскими и латынскими» (ПСРЛ. Т. 43. С. 228).

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 20; Т. 6. С. 271. В Дубр. эта речь изложена в иной, более краткой редакции: «...а вы бы, бояре и боярские дети и княжата, стояли вопче с моим сыном и с моею братиею против недругов, а служили бы есте моему сыну, как есте мне служили, прямо» (ПСРЛ. Т. 43. С. 228).

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 43. С. 232. Тот же перечень содержится в Синодальном списке Повести (ОР ГИМ. Синод. собр. № 963), см.: Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. № 121. С. 121.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 21. Так же в Соф. и Дубр.: ПСРЛ. Т. 6. С. 271; Т. 43. С. 228.

¹³⁰ Rüß Н. Dmitrij F. Belskij. S. 171.

Понятно, что в летописном рассказе не следует видеть протокольной записи речи Василия III к боярам: несомненно, она подверглась литературной обработке. Однако вопрос заключается в том, какая из двух приведенных версий отражает первоначальную редакцию Повести?

А. Е. Пресняков с доверием отнесся к версии Дубр. и других списков той же группы¹³¹. А. А. Зимин полагал, что содержащееся в Новгородском своде 1539 г. (т.е. в списке Дубр.) упоминание об особой роли, которую отводил Василий III князю Д. Ф. Бельскому, было позднее изъято из летописей, составленных в годы правления Шуйских¹³². Того же взгляда на соотношение версий Соф./Пост. и Дубр., в том числе и применительно к данному эпизоду, придерживался С. А. Морозов¹³³.

С критикой подобных представлений, утвердившихся в научной литературе, выступили Х. Рюс и Р. Г. Скрынников. Немецкий ученый справедливо обратил внимание на то обстоятельство, что кн. Д. Ф. Бельский, судя по тексту Повести, не участвовал в совещаниях у постели умирающего государя; он не вошел в состав бояр, приглашенных к составлению духовной Василия III. На этом основании Рюс заключил, что пассаж о братьях Бельских является позднейшей вставкой в летописный рассказ¹³⁴.

К тому же выводу, но по другим причинам пришел Скрынников. По его мнению, текст Повести в списке Дубр. в результате редакторской правки частично утратил смысл: группе бояр, список которых в летописи начинается с кн. Д. Ф. Бельского «с братиею», великий князь «приказал» самого же кн. Д. Ф. Бельского «с братиею»!¹³⁵

К этим аргументам можно добавить еще некоторые наблюдения, свидетельствующие, на мой взгляд, о вторичном и тенденциозном характере версии Дубр. Наказ великого князя боярам в изложении Пост./Соф. пронизан единой логикой: основная мысль – стремление государя избежать розни среди бояр, поэтому он призывает всех – и «здесьних уроженцев», и «приезжих» князей – сплотиться вокруг наследника престола и верно служить ему; Глинского Василий III «приказывает» боярам именно потому, что тот – «прямой» слуга.

Логика речи государя в рассказе Дубр., напротив, не ясна: призыва к преодолению розни там нет, а наказ боярам, «чтобы были вопче» и дела делали «заодин», странно диссонирует с настойчивым подчеркиванием родства и Бельских, и Глинского с великим князем: такой «аргумент» в тревожной обстановке ноября – декабря 1533 г. способен был только еще больше настроить представителей старинной знати Северо-Восточной Руси (Шуйских, Горбатовых и др.) против «чужаков», занявших по милости государя первые места у трона.

Удивляет также то обстоятельство, что Василий III, по версии Дубр., представил боярам весь клан князей Бельских, в то время как из Глинских (а о них обо всех можно было сказать, что они великому князю по жене «племня») упомянул только князя Михаила Львовича. Но все эти странности и несообразности получают объяснение, если предположить, что этот пассаж в Дубр. является редакторской вставкой в текст Повести, появившейся в начале 1540-х годов, когда братья Дмитрий и Иван Бельские пользовались большим влиянием при московском дворе¹³⁶. Местнические интересы этого клана, возможно, и побудили составителя Дубр. вставить в летописную Повесть пассаж, свидетельствующий об особом будто бы благоволении умирающего Василия III к кн. Д. Ф. Бельскому «с братией».

¹³¹ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 79 – 80.

¹³² Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 227, прим. 2; Его же. Россия на пороге нового времени. С. 390, прим. 87, и с. 395.

¹³³ Морозов С. А. Летописные повести. С. 24, 27 – 28.

¹³⁴ Rüß Н. Dmitrij F. Belskij. S. 173, 176 – 177.

¹³⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 83; Его же. История Российская. С. 256.

¹³⁶ Наибольшим влиянием братья Д. Ф. и И. Ф. Бельские пользовались в 1541 г.: князю Дмитрию Федоровичу как старшему боярину в Думе адресовались дипломатические послания соседних стран; о кн. Иване Федоровиче летописец говорит, что государь его «у себя в приближенье держал и в первосоветниках» (ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 39, 42). Подробнее см. ниже, гл. 5.

Что же касается «материала», использованного для этой вставки, то он мог быть заимствован из других эпизодов той же Повести: так, слова Василия III о родстве с Глинским («по жене моей мне племя») напоминают мотивировку, использованную великим князем для введения Глинского в «думу», созданную для составления духовной грамоты¹³⁷, а наказ князьям Бельским («о ратных делах и о земском строении» стоять «заодин») очень близок, по сути, к наставлению, данному государем своим братьям Юрию и Андрею¹³⁸.

В среду, 3 декабря, в последний день жизни великого князя, он призвал к себе бояр – тех же, что присутствовали при составлении его духовной: князей Ивана и Василия Шуйских, М. С. Воронцова, М. Ю. Захарьина, М. В. Тучкова, кн. М. Л. Глинского, И. Ю. Шигону, П. И. Головина и дьяков М. Путятину и Ф. Мишурина. «И быша у него тогда бояре, – говорит летописец, – от третьяго часа до седмаго, и приказав им о своем сыну великом князе Иване Васильевиче и о устроении земском, и како быти и правити после его государьства»¹³⁹.

Текст Дубр. в этом месте явно вторичен по отношению к Соф. и Пост.: переписчик допустил механическую ошибку, пропустив в списке бояр М. Ю. Захарьина, а в заключительной фразе, видимо не разобрав одного слова, написал: «...како бы правити после его государьства»¹⁴⁰.

То, что указанный пропуск имени одного из бояр носил механический характер, а не выражал какой-то политической тенденции, явствует из последующего текста, который читается одинаково и в Дубр., и в Пост./Соф.: «И поидоша от него [Василия III. – М. К.] бояре. А у него остана Михайло Юрьев [Захарьин. – М. К.] да князь Михайло Глинской, да Шигона и быша у него до самыя нощи. И приказав о своей великой княгине Елене и како ей без него быти, и как к ней бояром ходити. И о всем им приказа, как без него царству строитись»¹⁴¹.

В заключительных эпизодах летописной Повести мы вновь находим следы редакторской правки. Так, при описании прощания Василия Ивановича с женой – великой княгиней Еленой в тексте Соф. и Пост. приведены некоторые реалистические подробности: «И хоте [великий князь. – М. К.] ей наказывати о житье ея, но в кричанье не успе ю ни единого слова наказати. Она же не хотяще итти от него, а от вопля не преста, но отосла ея князь велики сильно, и простися с нею, и отдаст ей последнее целование свое...»¹⁴² Все выделенные мною экспрессивные детали были исключены при изложении этого эпизода в Дубр. Взамен там появилась более короткая и сдержанная фраза: «Тогда же великая княгини не хотяще итти от него, но отсла ея князь велики, и простися с нею князь велики, и отдасть ей последнее свое целованье...»¹⁴³

Приведенный пример еще раз демонстрирует уже отмеченную нами выше редакторскую манеру составителя Дубр., стремившегося приблизить текст «Сказания» о смерти Василия III к образцам житийного жанра¹⁴⁴.

Некоторые подробности описания похорон великого князя, скончавшегося в ночь на 4 декабря 1533 г., различаются в Пост./Соф. и Дубр. Так, по одной версии, распоряжение об

¹³⁷ Ср.: «...что ему в родстве по жене его по великой княгине Елене» (ПСРЛ. Т. 43. С. 227).

¹³⁸ Ср.: «...и вы бы, братия моя, о земском строении, о ратных делах против недругов сына моего и своих стояли вопче» (ПСРЛ. Т. 43. С. 228).

¹³⁹ Лучшее чтение – в Соф.: ПСРЛ. Т. 6. С. 272. В Пост. в окончании последней фразы – неверная разбивка текста на слова: «...како бы тии правити после его государьства» (Т. 34. С. 21).

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 43. С. 229.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 21; Т. 6. С. 272. Так же в Дубр., за исключением написания отдельных слов («а у него оста Михайло Юрьев» и т.д.): Т. 43. С. 229.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 34. С. 22. Тот же текст в Соф. с несущественными разночтениями: Т. 6. С. 273.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 43. С. 230.

¹⁴⁴ Наряду с приведенным здесь эпизодом, Н. С. Демкова указывает еще на передачу в той же летописи диалога Василия III с лекарем Н. Булевым как на пример характерных для составителя Дубр. приемов редактирования текста, направленных на устранение не «этикетных» деталей (Демкова Н. С. Комментарии [к «Повести о болезни и смерти Василия III»]. С. 567).

устройстве гробницы в Архангельском соборе было отдано М. Ю. Захарьиным, по другой – боярами:

Пост. / Соф.	Дубр.
Бояре же его [Василия III. — М.К.], поговора с митрополитом и з брателью великого князя, повеле (Соф.: повелеша) в Архангеле ископати гроб ему подле оша его великого князя Ивана Васильевича... И, поговора с митрополитом, послаша шапирниго Русина Иванова сына Семенова, снем с него меру, и повеле (Соф.: повелеша) ему гроб привести камен*.	Боярина жо его [Василия III. — М.К.] Михайло Юрьевич, поговора с митрополитом и з брателью великого князя и з бояры, и повеле во Архангеле ископати гроб, подле оша его великого князя Ивана Васильевича... и, поговора с митрополитом, Михайло Юрьевич послаша по постел[ни]чиво Русина Иванова сына Семенова, снем с него меру, и повеле ему гроб привести камен**.

* ПСРЛ. Т. 21. С. 24; Т. 6. С. 275.

** ПСРЛ. Т. 43. С. 231.

В обеих версиях (и в Пост., и в Дубр.) можно заметить несогласованность глаголов с существительными: в первом случае с существительным множественного числа («бояре») дважды употреблен глагол («повеле») в единственном числе, во втором случае – наоборот: рядом с подлежащим в единственном числе («Михайло Юрьевич») стоит сказуемое во множественном числе («послаша»). Таким образом, обе версии сохранили следы редакционной правки. Если учесть, что согласованность глагольных форм с существительными наблюдается только в Соф., а там все распоряжения исходят от «бояр», то можно предположить, что именно этот список сохранил первоначальный текст данного фрагмента Повести. Выше уже было отмечено особое внимание составителя Дубр. к фигуре боярина М. Ю. Захарьина, и подчеркивание его роли на похоронах великого князя является, по-видимому, еще одной вставкой, характерной для этой версии памятника.

Различается в двух версиях и список бояр и боярынь, сопровождавших великую княгиню Елену на похоронах мужа:

Пост. / Соф.	Дубр.
А с нею [Еленой. — М.К.] шли бояре князь Василей да князь Иван Васильевич Шуйские, Михайло Семенович Воронцов, князь Михайло Львович Глинской, боярыня же тогда бысть тогда с великою княгинею князь Федора Мстиславского княгиня Анастасия*, племянница великого князя, да князь Иванов Данилович Пенково княгини Марья, да боярыня Ивана Одревича жена Четалина Олена, да Василей Одревича жена Огрофена, да Михайла Юрьевича жена Феодосия, да Василья Ивановича жена Огрофена, да князь Васильева жена Львовича Глинского княгини Анна**.	

* ПСРЛ. Т. 34. С. 24; Т. 6. С. 276.

** ПСРЛ. Т. 43. С. 232. Тот же перечень содержится в Синодальном списке Повести (ОР ГИМ. Синод. собр. № 963), см.: Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. № 121. С. 121.

Трудно сказать, как выглядел этот список в первоначальной редакции Повести о смерти Василия III. Ясно, что на похороны государя пришли все бояре, князья и дети боярские, находившиеся в начале декабря 1533 г. в Москве. Поэтому оба варианта перечня, дошедшие до нас в сохранившихся списках Повести, заведомо не полны, и эта избирательность отражает чьи-то местнические интересы. Текст Пост./Соф. не упоминает в свите великой княгини князя И. Ф. Овчину Оболенского, в то время как в Дубр. пропущено имя боярина кн. И. В. Шуйского. Можно предположить, что первоначальный текст заканчивался имеющимся в обоих вариантах упоминанием боярыни Анастасии, жены кн. Ф. Мстиславского («боярыня же тогда бысть с великою княгинею»); следующий затем в Дубр. список боярынь, вероятно, является более поздней припиской, сделанной на основе местнических памятей времени правления Елены Глинской.

Суммируя сделанные выше наблюдения, можно сказать, что ни один из сохранившихся списков Повести о смерти Василия III не отражает целиком первоначальной редакции этого памятника. И версия Пост./Соф., и Дубр. несут на себе следы редакционной правки. Особой тенденциозностью отличается правка текста в Дубр. Во-первых, составитель устранил

чересчур, по его мнению, реалистические подробности и даже факты (например, упоминание о сожжении предыдущей духовной Василия III), если они не соответствовали канонам житийной литературы. Во-вторых, руководствуясь местническими интересами, редактор стремился принизить роль одних лиц (например, дьяка Ф. Мишурина) и, наоборот, подчеркнуть доверие великого князя к другим лицам (старцу М. Сукину, братьям Бельским и др.).

О том, что редактор Дубр. не был очевидцем описываемых в Повести событий и плохо знал придворную среду начала 1530-х годов, свидетельствуют многочисленные ошибки в именах и титулах упоминаемых лиц. Так, как уже отмечалось выше, составитель Дубр. постоянно путает братьев-князей Ивана и Василия Шуйских; кроме того, дворецкий И. Ю. Шигона и боярин М. В. Тучков иногда ошибочно именуется в этом списке «князьями»¹⁴⁵. Поэтому Дубр. не может служить основным и уж тем более единственным источником для изучения событий поздней осени 1533 г.

Правка встречается и в списках Пост. и Соф., но ее направленность не вполне ясна. Возможно, в отдельных эпизодах редактор стремился затушевать важную роль в событиях или близость к государю некоторых лиц (например, М. Сукина и М. Ю. Захарьина). В других случаях можно предполагать сокращение текста без какой-либо политической тенденции.

То, как распределены «свет и тени» в Повести по списку Дубр. (подчеркивание старшинства дьяка Меньшого Путятин перед Ф. Мишуриным, особое внимание к боярину М. Ю. Захарьину и кн. Д. Ф. Бельскому с «братией»), указывает на начало 1540-х гг. как на вероятное время появления этой версии. Списки Пост. и Соф. сохранили, по-видимому, более ранний текст, возникший, возможно, в начале правления Елены Глинской.

Вместе с тем поскольку многие ключевые эпизоды Повести одинаково изложены и в Пост./Соф., и в Дубр., то обе версии можно считать вариантами, или видами, одной (ранней) редакции памятника, представленной тремя списками. Любые наблюдения над текстом Повести должны обязательно основываться на сопоставлении всех трех списков.

2. Состав опекунского совета: летописные свидетельства и гипотезы историков

Охарактеризовав интересующий нас памятник в целом, остановимся подробнее на тех эпизодах летописной Повести, которые послужили исследователям источником для предположений о составе опекунского (или регентского) совета, созданного Василием III при своем малолетнем наследнике.

Чаще всего историки обращались к описанному в Повести совещанию о составлении великокняжеской духовной, начавшемуся сразу по возвращении Василия III в Москву 23 ноября 1533 г. Напомню, что в том совещании («думе») приняли участие 10 человек: князя Василий и Иван Васильевичи Шуйские, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов, казначей П. И. Головин, тверской дворецкий И. Ю. Шигона, кн. М. Л. Глинский, М. В. Тучков и дьяки М. Путятин и Ф. Мишурин.

В. И. Сергеевич, как уже говорилось, первым из исследователей увидел в перечисленных 10 советниках правителей, назначенных Василием III на период малолетства его сына. Ученый предположил, что в духовную грамоту «было внесено и постановление о правительстве», причем участники совещания подписались на документе в качестве свидетелей. Но грамота эта не сохранилась: «Очень можно думать, – писал Сергеевич, – что действительное правительство, захватившее власть по смерти царя [так автор называет Василия III. – М. К.], не соответствовало предположенному, а потому и был повод захватившим власть скрыть и уничтожить ее»¹⁴⁶.

---

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 43. С. 226, 227.

¹⁴⁶ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 399.

Вопросы, поставленные Сергеевичем: о составе правительственного совета при юном наследнике и о содержании не дошедшего до нас завещания Василия III, – оставались предметом дискуссии историков в течение всего недавно закончившегося XX столетия.

А. Е. Пресняков поддержал процитированное выше мнение Сергеевича об уничтожении завещания Василия III в ходе борьбы за власть, вспыхнувшей после смерти великого князя¹⁴⁷. Что же касается последних распоряжений великого князя, то для их выяснения исследователь привлек не один фрагмент летописной Повести (как Сергеевич), а два: помимо известия о «думе» государя с боярами по поводу составления духовной, внимание историка привлекло упоминание о «приказании», данном Василием III незадолго до смерти трем лицам: Захарьину, Глинскому и Шигоне. Им государь приказал «о своей великой княгине Елене, и како ей без него быти, и как к ней бояром ходити, и о всем им приказа, как без него царству строитися»¹⁴⁸.

В результате изучения текста Повести Пресняков пришел к выводу о двойственном характере распоряжений Василия III. Одной группе бояр во главе с князьями Шуйскими (тем самым десяти советникам, которых имел в виду Сергеевич) великий князь «приказал» о своем сыне Иване и «о устроенье земском»; по определению Преснякова, эта группа – «душеприказчики, которым надлежит блюсти выполнение всех заветов умирающего великого князя». «Нет основания, по-видимому, первую группу назвать в точном смысле слова советом регентства, но роль, ей предназначенная, близка к такому значению», – считал историк¹⁴⁹. Второй группе из трех доверенных лиц государь поручил особую опеку над положением великой княгини. Тем самым ее статус также оказывался двойственным: с одной стороны, Василий III, по мнению Преснякова, отвел известную роль Елене в опеке над сыном и в управлении страной (ср. слова летописца о хождении к ней бояр); с другой стороны, он отнюдь не передал великой княгине всей полноты власти, поручив особым лицам контроль над ней и над исполнением его распоряжений¹⁵⁰.

О двойной опеке писал и С. Ф. Платонов, выделив «коллегию душеприказчиков», к которой он отнес князей Бельских, Шуйских, Б. И. Горбатого, М. С. Воронцова и др. (т.е. по существу всех бояр) и особую тройку опекунов, призванных охранять великую княгиню¹⁵¹.

И. И. Смирнов по вопросу о персональном составе регентского совета пришел к тем же выводам, что и Пресняков¹⁵².

А. А. Зимин на разных этапах своего творчества неоднократно обращался к проблеме регентства и реконструкции пропавшего завещания Василия III. Так, в статье 1948 г. историк привел неопровержимые данные, свидетельствующие о том, что (вопреки предположению Сергеевича и Преснякова) духовная великого князя не была уничтожена сразу после его смерти, а существовала по крайней мере еще в 70-х годах XVI в.: прямые ссылки на нее имеются в завещании Ивана Грозного. Основываясь на этих упоминаниях и некоторых монастырских актах 1530-х годов, Зимин попытался реконструировать те пункты не дошедшей до нас духовной грамоты Василия III, которые касались имущественных распоряжений великого князя. В частности, ученый предположил, что своему брату князю Андрею Ивановичу Старицкому государь завещал Волоцкий удел, однако правительство Елены Глинской не собиралось выполнять этот пункт духовной Василия III и потому «скрыло» его завещание¹⁵³.

Что же касается вопроса о регентстве, то Зимин считал (опять-таки вопреки мнению Сергеевича и Преснякова), что «в своем завещании Василий III не упоминал ни о каком регент-

¹⁴⁷ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 80.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 272. Тот же текст читается в Пост. и Дубр.: Т. 34. С. 21; Т. 43. С. 229.

¹⁴⁹ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 79.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пб., 1923. С. 35.

¹⁵² Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 33.

¹⁵³ Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI века // ИЗ. М., 1948. Т. 27. С. 282 – 286.

ском совете, это было предметом его последующих устных распоряжений». В доказательство этого тезиса историк ссылался на Повесть о смерти Василия III, а также на завещания его деда и отца, которые послужили прообразом духовной 1533 г. и в которых нет ни слова ни о каких опекунских советах: «Такие распоряжения в подобного рода документы не вносились», – подчеркнул исследователь¹⁵⁴.

В работах последующих лет Зимин пришел к выводу о том, что Василий III поручил ведение государственных дел всей Боярской думе, а при малолетнем наследнике назначил двух опекунов – князей М. Л. Глинского и Д. Ф. Бельского¹⁵⁵.

Указанные выше предположения и выводы Зимина обладают неодинаковой доказательной силой. Первый тезис – о том, что духовная Василия III не была уничтожена в годы боярского правления, – совершенно бесспорен. Иван IV ссылался на этот документ в своем завещании: «А что отец наш, князь великий Василей Иванович всея России, написал в своей душевной грамоте брату моему, князь Юрью, город Угличь и все поле, с волостми, и с путми, и с селы...»¹⁵⁶ Кроме того, духовная грамота великого князя Василия упоминается в целом ряде актов 30-х и начала 40-х гг. XVI в. Например, в жалованной грамоте Ивана IV Иосифо-Волоколамскому монастырю на село Турово (май 1534 г.) передача села этой обители мотивировалась волей покойного государя: «...что написал отец наш князь великий Василей Иванович вс[е]я Руси... в духовной грамоте»¹⁵⁷. Аналогичная ссылка имеется в «памяти» Ивана IV подьячему Давыду Забиркину от 24 мая 1535 г., которому было велено ехать для отвода земель в село Тураково Радонежского уезда, «что написал то село отец наш князь великий Василей Иванович всеа Руси в своей духовной грамоте к Троице в Сергиев монастырь»; тот же подьячий должен был передать, также по завещанию Василия III, село Романчуково Суздальского уезда Покровскому девичьему монастырю¹⁵⁸. Наконец, опубликованная недавно А. В. Маштафаровым духовная грамота Ивана Юрьевича Поджогина 1541 г. содержит упоминание о пожаловании ему Иваном IV «по приказу» отца, великого князя Василия Ивановича, более 20 деревень в Тверском уезде¹⁵⁹.

Однако эти свидетельства, подтверждая первый из вышеприведенных тезисов Зимина, не позволяют согласиться со вторым его утверждением – о том, что правительство Елены Глинской якобы «скрыло» завещание ее покойного мужа. Процитированные мною документы 30-х и начала 40-х гг. XVI в. показывают, что содержание духовной Василия Ивановича не держалось в тайне, что многие его распоряжения имущественного характера были выполнены. Да и трудно себе представить, как можно было «скрыть» грамоту, составленную и утвержденную в присутствии десяти влиятельных бояр, дворецких и дьяков и, вероятно, подписанную митрополитом Даниилом.

Еще одно суждение Зимина – о том, что распоряжения о регентстве не вносились в духовные грамоты, а излагались устно, – заслуживает, на мой взгляд, серьезного внимания, но нуждается в более тщательном обосновании. В частности, ссылка исследователя в подтверждение своей гипотезы на духовные Василия II и Ивана III, как справедливо заметил И. И. Смирнов, не может быть принята, поскольку в обоих названных случаях завещатели, имея взрослого сына-наследника, не нуждались в создании регентства. В свою очередь, Смирнов, настаивая на противоположном тезисе (о включении пункта о регентском совете в духовную грамоту Василия III), ссылался на грамоту Василия I, «приказавшего» своего малолетнего сына определенной

¹⁵⁴ Там же. С. 282.

¹⁵⁵ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 226 – 227; Его же. Россия на пороге нового времени. С. 395.

¹⁵⁶ ДДГ. № 104. С. 440.

¹⁵⁷ АФЗХ. М., 1956. Ч. 2. № 137 С. 134.

¹⁵⁸ ОАСУ. Отд. I. № 23. С. 29, 30. На упоминание духовной Василия III в этом документе первым обратил внимание И. И. Смирнов (Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 25, прим. 18).

¹⁵⁹ Маштафаров А. В. Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 года // РД. М., 1997. Вып. 1. С. 35.

группе лиц, и на слова С. Герберштейна, сообщившего в своих «Записках» о том, что опекуны малолетнего Ивана IV были упомянуты в завещании Василия III¹⁶⁰.

Наконец, предположение Зимина, согласно которому опекунами сына-наследника Василий III назначил князей Глинского и Бельского, на поверку оказывается слабо обоснованным и не имеет серьезной опоры в источниках. Прежде всего эта гипотеза опирается на проанализированный нами выше фрагмент летописной Повести о смерти Василия III, который читается только в Дубр. и зависимых от него более поздних вариантах этого памятника. Как уже говорилось, есть серьезные основания считать помещенное там «приказание» кн. Д. Ф. Бельского «с братией» остальным боярам поздней тенденциозной вставкой в текст Повести.

Но даже если допустить, что в этом источниковедческом споре прав Зимин и упомянутые слова Василия III действительно читались в первоначальной редакции Повести, то и в этом случае с предложенной ученым интерпретацией невозможно согласиться. Как справедливо отметил С. А. Морозов, «приказание» Бельского «с братией» боярам в данном контексте означало лишь поручение названных лиц «заботам» думцев¹⁶¹. О предоставлении кому-либо опекунских полномочий в том эпизоде речи не было. Непонятно, кроме того, почему Зимин, основываясь на упомянутом отрывке, причислил к опекунам, помимо Глинского, только Д. Ф. Бельского: ведь кн. Дмитрий в тексте Повести всюду фигурирует вместе со своей «братией», — получается, что тогда всех троих братьев Бельских следовало бы считать опекунами!

Исследователь летописной Повести о смерти Василия III С. А. Морозов пришел к выводу о том, что регентами-опекунами малолетнего Ивана IV были назначены кн. М. Л. Глинский, М. Ю. Захарьин и И. Ю. Шигона. Из текста диссертации Морозова можно понять, что ученый основывался на летописном рассказе о последних совещаниях Василия III с боярами 3 декабря 1533 г. К сожалению, автор не раскрыл логику своих рассуждений и не привел аргументов, которые позволили бы предпочесть его точку зрения ранее высказанным взглядам других исследователей на эту дискуссионную проблему¹⁶².

Оригинальную трактовку интересующего нас вопроса предложил Р. Г. Скрынников. В 1973 г. он выдвинул гипотезу о существовании уже в XVI в. «семибоярщины», которая впервые возникла в 1533 г. как регентский совет при малолетнем наследнике престола; в состав этого совета, по мнению историка, вошли князь Андрей Старицкий и шестеро бояр (князья Василий и Иван Шуйские, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов, кн. М. Л. Глинский, М. В. Тучков)¹⁶³.

На слабую обоснованность этой гипотезы уже обращалось внимание в литературе¹⁶⁴. Действительно, по ссылкам на Повесть о смерти Василия III можно понять, что Скрынников строит свои выводы на основе эпизода составления великокняжеской духовной в присутствии ряда доверенных лиц. Этот пассаж анализировался многими исследователями, начиная с Сергеевича; дело, однако, заключается в том, что, как уже говорилось, там перечислено десять участников совещания: цифра «7» получается у Скрынникова путем произвольного исключения из числа опекунов лиц, не имевших боярского чина (казначей П. И. Головина, дворецкого И. Ю. Шигоны, дьяков Меньшого Путятина и Ф. Мишурина), и необоснованного расширения состава комиссии за счет старицкого князя, которого на самом деле на это совещание не пригласили.

¹⁶⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 26 (продолжение сноски 18).

¹⁶¹ Морозов С. А. Летописные повести. С. 71. По мнению самого С. А. Морозова, смысл этого «приказания» боярам кн. М. Л. Глинского и Бельских состоял в том, что Василий III добился тем самым коллективного поручительства членов Думы за казавшихся ему недостаточно надежными князей (Там же. С. 72). На мой взгляд, летописный текст, на который ссылается исследователь, не дает оснований для столь смелого вывода. Текст Повести не оставляет сомнений в том, что по крайней мере кн. М. Л. Глинский пользовался доверием великого князя в тяжелые дни неизлечимой болезни.

¹⁶² Морозов С. А. Летописные повести. С. 73; Его же. Летописные повести по истории России 30 – 70-х гг. XVI века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 14.

¹⁶³ Скрынников Р. Г. Московская семибоярщина // ВИ. 1973. № 2. С. 209 – 213 (о составе опекунского совета – с. 210).

¹⁶⁴ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 294; Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 11 – 12.

Предположение об участии кн. Андрея Старицкого в «думе» о духовной Василия III основано, видимо, на неверном прочтении следующего места летописной Повести¹⁶⁵: «И того же дни [как больной государь был доставлен в Москву, т.е. 23 ноября. – М. К.] приеде к великому князю брат его князь Андрей Иванович. И нача князь великий думати з бояры. А бояр у него тогда бысть... [перечисление]. И призвал их к собе. И начат князь велики говорити о своем сыну о князе Иване...»¹⁶⁶

Как видим, между первой фразой (о приезде князя Андрея к брату в столицу) и последующим текстом нет прямой связи. Вполне возможно, что Андрей Иванович находился где-то рядом с происходящим, в соседних палатах. Но о его приглашении в государеву «думу» о наследнике и о духовной грамоте в тексте не сказано ни слова. Участники этого совещания указаны совершенно определенно: «нача князь великий думати з бояры», «а бояр у него [Василия III. – М. К.] тогда бысть», «и призва их к собе» и т.д. Подобным же образом рассказ о заседании, состав которого расширился до 10 человек, перебивается ниже сообщением о приезде другого брата государя, Юрия: «И тогда же приеде к великому князю брат его князь Юрьи Иванович вскоре на Москву». После чего рассказ о «думе» продолжается: «И нача же князь велики думати с теми же бояры и приказывати о своем сыну великом князе Иване...»¹⁶⁷ (выделено мной. – М. К.).

Чтобы развеять все сомнения, связанные с возможным участием удельных князей в решении вопроса об устройстве правления при малолетнем наследнике престола, обратимся к другому эпизоду Повести, где описываются последние совещания у постели умирающего государя, происходившие 3 декабря. Здесь говорится о том, что после причащения великий князь «призва к себе бояр своих», и перечисляются те же 10 человек, которые участвовали в «думе» о духовной. «И быша у него тогда бояре от третьяго часа до седмаго». Выслушав наказ государя о его сыне Иване, устройении земском и управлении государством, бояре ушли («И поидоша от него бояре»). Остались, как мы уже знаем, трое (Захарьин, Глинский и Шигона), которые просидели у великого князя «до самыя нощи». И только после того, как они выслушали «приказ» Василия III, «как без него царству строитись», явились братья государя Юрий и Андрей и стали «притужати» умирающего, «чтоб нечто мало вкусил»¹⁶⁸. Больше к обсуждению государственных вопросов Василий III, судя по тексту Повести, не возвращался. Таким образом, предположение о том, что великий князь обсуждал с братьями судьбу престола и, тем более, назначил одного из них опекуном своего сына, противоречит свидетельствам нашего основного источника.

Несмотря на прозвучавшую в литературе критику тезиса о существовании «семибоярщины» уже в XVI в., Скрынников в работах 1990-х гг. продолжал настаивать на своей версии, по-прежнему называя опекунский совет, созданный Василием III при своем малолетнем сыне, «сечьмочисленной комиссией». А поскольку это определение не соответствовало, как мы уже знаем, реальному количеству лиц, упомянутых в цитируемой Скрынниковым летописной Повести, то историк нашел остроумный выход, объявив старицкого князя и шестерых бояр «старшими членами» опекунского совета, а казначея Головина, дворецкого Шигону и дьяков Путятина и Мишурина – «младшими»¹⁶⁹. Искусственность данного построения очевидна.

¹⁶⁵ Цитируемый отрывок ввел в заблуждение и А. А. Зимина, который полагал, что упомянутое заседание происходило «в присутствии князя Андрея Ивановича» (Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 394). Р. Г. Скрынников пошел еще дальше и назвал старицкого князя не только участником совещания, но и старшим опекуном, главой пресловутой «семибоярщины» (Скрынников Р. Г. Московская семибоярщина. С. 210, 212).

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 20. Тот же текст в Соф. и Дубр.: Т. 6. С. 270; Т. 43. С. 227.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 20.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 21. О том же в других списках: Т. 6. С. 272; Т. 43. С. 229.

¹⁶⁹ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 83. См. также: Его же. История Российская. С. 254, 258.

А. Л. Юрганов предпринял попытку разрешить загадку регентства не на основе источниковедческого анализа сохранившихся известий о событиях конца 1533 г., а исходя из реконструируемой им традиции оформления великокняжеских завещаний. По его наблюдениям, бояре подобного рода документы только подписывали в качестве свидетелей, но опекунами они быть не могли: опекунские функции являлись прерогативой лиц более высокого ранга – членов великокняжеской семьи, удельных и служебных князей, а также митрополитов. На этом основании Юрганов пришел к заключению, что опекунами малолетнего Ивана IV были назначены Елена Глинская, митрополит Даниил, кн. Глинский и кн. Андрей Старицкий¹⁷⁰.

Обращение к завещательной традиции вполне оправдано при изучении интересующей нас проблемы и, как я постараюсь показать ниже, может дать «ключ» к пониманию некоторых мест летописной Повести, о которых продолжают спорить историки. Однако информацию о конкретных лицах, назначенных в конце 1533 г. опекунами наследника престола, невозможно вывести «аналитическим путем» из завещаний предков Василия III; здесь ничто не может заменить прямых показаний источников.

Версия Юрганова очень уязвима во многих отношениях. Лежащий в ее основе тезис о том, что Василий III во всем покорно следовал традиции, труднодоказуем и едва ли верен. Да и сама трактовка этой традиции вызывает определенные сомнения: из чего, например, следует, что служилый князь мог быть опекуном? Ведь прецеденты такого рода неизвестны. А главное – гипотеза Юрганова противоречит показаниям источников: ни Елена Глинская, ни митрополит, ни удельные князья не были приглашены к составлению духовной; не им, а ближайшим советникам, согласно летописной Повести, великий князь дал последний наказ о сыне, жене и о том, «како без него царству строитися». Наконец, имеется свидетельство псковского летописца о том, что Василий III еще при жизни нарек старшего сына Ивана великим князем и «приказа его беречи до 15 лет своим бояром немногим»¹⁷¹. Одно это свидетельство разом подрывает (тут я согласен со Скрынниковым¹⁷²) всю концепцию Юрганова.

Трудно признать удачной и недавнюю попытку А. Л. Корзинина при помощи нескольких цитат из Повести о смерти Василия III решить давнюю научную проблему – определить состав регентского совета при Иване IV. Исследователь не стал разбирать аргументы своих предшественников, ограничившись кратким перечислением высказанных ранее точек зрения (при этом работы С. А. Морозова, Х. Рюса, П. Ниче вообще оказались неупомянутыми). Источниковедческий анализ летописной Повести и сравнение разных списков и редакций данного памятника он подменил беглым пересказом этого произведения и привел несколько цитат из текста по Постниковскому летописцу. Искомый перечень членов регентского совета историк усмотрел в перечисленных летописцем десяти советниках, которым Василий III в последний день жизни, 3 декабря, «приказал» о своем сыне Иване и об устройении земском. Сам этот вывод далеко не нов: многие исследователи со времен В. И. Сергеевича видели в этом «приказании» намек на учреждение «правительства», или регентского совета. Новым можно признать лишь следующий аргумент А. Л. Корзинина: особое значение ученый придал словам летописца о том, что великий князь, в частности, приказал боярам, «како бы тии правити после его государства»¹⁷³. В слове «тии» исследователь увидел указательное местоимение и понял всю фразу как поручение боярам правления после смерти Василия III¹⁷⁴. На самом деле словечко «тии», которое читается только в издании Пост., появилось в результате ошибки публи-

¹⁷⁰ Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 12; Его же. Духовная Василия III и завещательная традиция XIV – XVI вв. // Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. Ч. II. С. 310 – 313.

¹⁷¹ ПЛ. Вып. 1. С. 106.

¹⁷² Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 82.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 34. С. 21.

¹⁷⁴ Корзинин А. Л. Регентский совет при малолетнем Иване Грозном // Кlio. Журнал для ученых. 1999. № 3 (9). С. 106.

каторов летописи, неправильно разбивших текст на слова¹⁷⁵. Правильное чтение содержится в опубликованном списке Соф., относящемся к той же редакции памятника: здесь говорится, что великий князь приказал боярам «о своем сыну великом князе Иване Васильевиче, и о устройении земском, и како быти и правити после его государства»¹⁷⁶ (выделено мной. – М. К.). Как видим, «наблюдение» Корзинина основывается на ошибке (или опечатке) в издании Повести по одному из списков. Пренебрежение приемами текстологического анализа приводит к подобным курьезам.

Итоги многолетних попыток исследователей проникнуть в тайну пропавшего завещания Василия III убеждают в том, что при нынешнем состоянии источниковой базы ясный и убедительный ответ на вопрос, кому великий князь доверил власть и опеку над сыном, вряд ли может быть получен¹⁷⁷. Дальнейшая дискуссия по данной проблеме будет плодотворна лишь при условии введения в научный оборот новых материалов. Ниже я приведу информацию о московских событиях конца 1533 г., которая сохранилась в источниках польско-литовского происхождения. Но и возможности нового прочтения летописной Повести о смерти Василия III нельзя считать исчерпанными. Этот замечательный памятник остается главным источником наших сведений о ситуации при московском дворе в момент перехода престола к юному Ивану IV. Но для правильной интерпретации содержащейся там информации исследователям необходим контекст. Поскольку одной из основных сюжетных линий Повести является составление великокняжеской духовной грамоты, таким контекстом может стать завещательная традиция в Московской Руси XV – первой трети XVI в.

3. Духовная грамота Василия III и завещательная традиция XV – первой трети XVI в

Сравнение последних распоряжений Василия III, как они изложены в летописной Повести, с завещаниями его предков показывает, что этот великий князь (вопреки мнениям некоторых исследователей) вовсе не хранил верность древним традициям. В обычае московских великих князей было поручать опеку над детьми своим женам – великим княгиням и братьям. Так, Василий I, который тоже оставил престол малолетнему сыну, «приказал» его великой княгине. В свою очередь, опеку над женой и сыном он поручил тестю – великому князю литовскому Витовту и «своей братье младшей», – князьям Андрею и Петру Дмитриевичам, Семену и Ярославу Владимировичам¹⁷⁸. Аналогичный пункт имелся и в духовной Василия II: «А приказываю свои дети своей княгине. А вы, мои дети, живите заодин, а матери свое слушайте во всем, в мое место, своего отца». И далее: «А приказываю свою княгиню, и своего сына Ивана, и Юрья, и свои меньшие дети брату своему, королю польскому и великому князю литовскому Казимиру, по докончалной нашей грамоте...»¹⁷⁹

¹⁷⁵ Как показало обращение к соответствующему месту рукописи, в единственном сохранившемся списке Пост. нет никаких оснований для такого прочтения этой фразы, см.: РГАДА. Ф. 201 (Собр. М. А. Оболенского). Д. 42. Л. 40 (выражаю искреннюю признательность О. Е. Кошелевой, предоставившей мне фотокопию данной страницы Постниковского летописца).

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 6. С. 272.

¹⁷⁷ Работа над книгой была уже завершена, когда в печати появилась статья В.В. Шапошника о завещании Василия III, в которой исследователь высказывает ряд соображений о предсмертных распоряжениях великого князя, о полномочиях, данных им группе бояр, и т.п. (Шапошник В.В. К вопросу о завещании Василия III // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 21 – 28). Но ни подробного анализа источников, ни полемики со своими предшественниками автор в этой статье не предлагает, отсылая читателя к другим своим работам, оставшимся, однако, на тот момент неопубликованными. Между тем в отрыве от конкретных источниковедческих наблюдений и вне историографического контекста невозможно оценить ни новизну, ни убедительность высказанных ученым предположений. Поэтому критический разбор взглядов В. В. Шапошника по обсуждаемым здесь вопросам придется отложить до полной публикации его исследования.

¹⁷⁸ ДДГ. № 22. С. 60, 62. Третья духовная грамота Василия Дмитриевича, март 1423 г.

¹⁷⁹ ДДГ. № 61. С. 194, 197. Духовная Василия II, май 1461 – март 1462 г.

Изменение традиции можно заметить в духовной Ивана III: своих младших детей он «приказал» старшему сыну и наследнику Василию; его же он назначил своим душеприказчиком¹⁸⁰. К тому времени (1504 г.) ни братьев, ни супруги великого князя, Софьи Палеолог, уже не было в живых, а о том, чтобы поручать опеку над детьми зятю – великому князю литовскому Александру, с которым лишь за год до того закончилась очередная война, не могло быть и речи.

Василий III не «приказал» детей ни жене, ни родным братьям: как было показано выше, составление великокняжеской духовной велось в тайне от них. Между тем в летописной Повести есть эпизод, который позволяет высказать предположение о том, кому по завещанию государь поручил опеку над сыном-наследником.

В речи Василия III, с которой он обратился к митрополиту, своим братьям и всем боярам 30 ноября (выше я уже цитировал этот отрывок в связи с вопросом о первоначальной редакции памятника), говорилось: «...приказываю своего сына великого князя Ивана Богу и Пречистой Богородице, и святым чюдотворцем, и тебе, отцу своему Данилу, митрополиту всеа Руси»¹⁸¹ (выделено мной. – М. К.).

Возможно, эта официальная формулировка была внесена и в духовную Василия III. Великий князь с доверием относился к митрополиту Даниилу. Примечательно, что в сохранившейся духовной записи Василия Ивановича (июнь 1523 г.) государь назначал его своим душеприказчиком и оставлял жену на его попечение¹⁸².

Однако, поручая сына покровительству небесных сил и опеке митрополита, великий князь не посвятил Даниила в дела светского управления; как мы уже знаем, митрополит не был приглашен ни на одно из заседаний, на которых Василий III давал своим боярам наказ, как после него «царству строиться». В отличие от Западной Европы, где регентство при малолетнем короле нередко поручалось духовным особам (кардиналы Ришелье и Мазарини – лишь самые известные примеры), в Московской Руси такого обычая не сложилось.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по вопросу о том, какие именно функции предназначались Василием III десяти советникам, которые были приглашены к составлению духовной, и тем троим доверенным лицам, которые выслушали его последний наказ поздним вечером 3 декабря. Содержание этих речей, вероятно, навсегда останется для нас тайной, скрытой за краткими и чересчур общими словами летописца («и о всем им приказа, как без него царству строиться»). Но мы можем попытаться представить себе, в каком качестве участники тех совещаний у постели умирающего государя могли быть упомянуты в его духовной грамоте. Некоторые указания на сей счет можно найти в формуляре великокняжеских завещаний XV – XVI вв.

Еще В. И. Сергеевич и А. Е. Пресняков предполагали, что 10 советников, приглашенных великим князем в «думу» о духовной грамоте, были поименованы в ней в качестве свидетелей¹⁸³. Это предположение представляется весьма правдоподобным. Действительно, вполне вероятно, что в конце духовной Василия III говорилось: «А тутю были бояре мои...» (как в завещании его отца, Ивана III¹⁸⁴) или: «А у духовные сидели...» (как в грамоте деда, Василия II¹⁸⁵) – и далее перечислялись присутствовавшие при составлении документа бояре: князья Василий и Иван Шуйские, М. С. Воронцов, М. В. Тучков, казначей П. И. Головин. Дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишуринов, очевидно, упоминались в качестве лиц, писавших грамоту. Что же касается еще троих участников той «думы» о духовной грамоте – кн. М. Л. Глин-

¹⁸⁰ Там же. № 89. С. 354, 363. Духовная Ивана III, ранее 16 июня 1504 г.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 20. Так же в Соф. и Дубр.: Т. 6. С. 270; Т. 43. С. 228.

¹⁸² «... и яз ныне свою душу и свою княгиню... приказываю отцу своему Данилу, митрополиту всеа Руси» (ДДГ. № 100. С. 415).

¹⁸³ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 399; Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 78.

¹⁸⁴ ДДГ. № 89. С. 364.

¹⁸⁵ Там же. № 61. С. 198.

ского, М. Ю. Захарьина и И. Ю. Шигоны Поджогина, то им, как можно предположить, отводилась в завещании иная роль.

Пресняков, согласившись с предположением Сергеевича о том, что перечисленные летописцем князя Шуйские и иные бояре, присутствовавшие при составлении духовной Василия III, были упомянуты в его завещании в качестве свидетелей, называет их далее «душеприказчиками» великого князя¹⁸⁶. Дело, однако, в том, что в духовных грамотах первой трети XVI в. свидетели и душеприказчики – это, как правило, разные лица. Так, в духовной Ивана III (1504 г.) душеприказчиком назван старший сын Василий, а свидетелями значатся бояре: кн. Василий Данилович (Холмский), кн. Данило Васильевич (Щеня), Яков Захарьич и казначей Дмитрий Владимирович (Ховрин)¹⁸⁷. Указанное различие характерно и для завещаний частных лиц изучаемой эпохи¹⁸⁸.

Наблюдения показывают, что количество душеприказчиков в завещаниях первой трети XVI в. составляло обычно от двух до четырех человек¹⁸⁹. Уже по этой причине предположение о том, что Василий III назначил всех десятирех советников, приглашенных к составлению духовной, своими душеприказчиками, кажется маловероятным.

Мне известна пока только одна духовная грамота изучаемого периода, где количество душеприказчиков превышает четырех человек, но зато этот документ представляет исключительный интерес для изучения нашей темы. Речь идет о завещании благовещенского протопопа Василия Кузьмича – духовного отца Василия III, – написанном в 1531/32 г. На эту грамоту в свое время обратил внимание В. Б. Кобрин¹⁹⁰, но она до сих пор остается неопубликованной, и никто из исследователей, пытавшихся разгадать тайну завещания Василия III, к этому документу не обращался.

Своими душеприказчиками и опекунами жены и сына протопоп Василий Кузьмич назначил пятерых лиц, своих «великих господ», как он их называет: кн. Михаила Львовича Глинского, Михаила Юрьевича Захарьина, Ивана Юрьевича Шигону (Поджогина), дьяка Григория Никитича Меньшого Путятин и Русина Ивановича¹⁹¹ (Семенова¹⁹²). По справедливому замечанию В. Б. Кобрин, «такой подбор душеприказчиков демонстрирует удивительную близость окружения духовных отца и сына – протопопа и великого князя всея Руси»¹⁹³.

Действительно, из пяти названных лиц четверо – кн. Глинский, Захарьин, Шигона и дьяк Меньшой Путятин – принимали участие в составлении завещания Василия III, а первые трое, как мы уже знаем, выслушали последний наказ великого князя – «о своей великой княгине Елене, и како ей без него быти, и како к ней бояром ходити, и... како без него царству строитися». Но, оказывается, и пятый душеприказчик протопопа – Р. И. Семенов – также входил в ближайшее окружение великого князя: согласно летописной Повести о смерти Василия III по списку Дубровского, боярин Захарьин сразу после кончины государя послал за постельни-

¹⁸⁶ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 79.

¹⁸⁷ ДДГ. № 89. С. 363, 364.

¹⁸⁸ См. следующую сноску. Во всех указанных ниже случаях душеприказчики упомянуты отдельно от послухов.

¹⁸⁹ Из 18 просмотренных мною опубликованных духовных грамот 1500 – 1530-х гг. в восьми завещаниях упомянуто двое душеприказчиков (АФЗХ. Ч. 2. № 40. С. 41; АРГ. № 2, 65, 196, 256. С. 9, 71, 200, 262; АСЗ. М., 1997 Т. I. № 161. С. 135; АСЕМ. № 21, 34. С. 50, 89), в семи – трое (АРГ. № 108, 179, 222. С. 110 – 111, 176, 224; АФЗХ/АМСМ. № 37. С. 41; АСЗ. Т. I. № 158. С. 132; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. I. № I, II. С. 9, 11), в трех – четверо (АРГ. № 59, 251. С. 64, 255; АСЕМ. № 35. С. 93).

¹⁹⁰ Кобрин В. Б. Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы – Мезецкие – Пронские) // ВИД. [Т.] XIV. Л., 1983. С. 50 – 55.

¹⁹¹ ОР РГБ. Ф. 303/1 (Грамоты). № 281. Л. 3. Список XVI в.

¹⁹² Родовое прозвание Русина Ивановича, не указанное в духовной, установлено В. Б. Кобриным на основании другого документа (Кобрин В. Б. Опыт изучения. С. 51 и прим. 7).

¹⁹³ Кобрин В. Б. Опыт изучения. С. 50.

чим Русином Ивановым сыном Семенова, которому велел, сняв мерку с покойного, привезти каменный гроб¹⁹⁴. Будучи постельничим, Семенов имел постоянный доступ к особе государя.

Таким образом, в свете процитированного завещания благовещенского протопопа далеко не случайным представляется особое доверие, оказанное Василием III трем своим советникам: Глинскому, Захарьину и Шигоне. Именно в них есть серьезные основания видеть душеприказчиков великого князя, которые должны были обеспечить исполнение его последней воли. Косвенно это предположение подтверждается тем обстоятельством (известным нам из летописной Повести), что именно их Василий III оставил у себя – отпустив остальных бояр, – чтобы дать последние указания о положении великой княгини и об «устроении» государства. Весьма вероятно, что к тем же трем лицам относились уже приводившиеся мною выше слова псковского летописца, отметившего, что великий князь «приказал» сына Ивана «беречи до 15 лет своим бояром немногим»¹⁹⁵ (выделено мной. – М. К.). Гораздо меньше такое определение – «бояре немногие» – подходит к той группе из десяти человек, с которыми Василий Иванович совещался о своей духовной грамоте и в которых многие исследователи видят опекунский, или регентский, совет при малолетнем Иване IV.

Выше я упомянул о длительной дискуссии историков по вопросу о том, были ли распоряжения Василия III о создании регентства при его сыне внесены в духовную грамоту великого князя. Часть исследователей, начиная с В. И. Сергеевича и А. Е. Преснякова, отвечали на этот вопрос утвердительно¹⁹⁶; противоположной точки зрения придерживался А. А. Зимин, а в недавнее время – Х. Рюс¹⁹⁷. Изучение традиции великокняжеских завещаний показывает, что в этом споре прав, скорее, Зимин: никакие указания о будущем порядке управления в подобные документы не вносились. Более того, русское средневековое право не знало понятия «регентства»: как мы увидим в дальнейшем, это обстоятельство порождало сложные коллизии в реальной политической жизни, когда фактические правители пытались легитимизировать свое положение.

Вполне возможно, как уже говорилось, что официально в своем завещании Василий III «приказал» наследника только митрополиту Даниилу. Но функции душеприказчиков, доверенные великим князем, как я предполагаю, «триумвирату» в составе Глинского, Захарьина и Шигоны Поджогина, фактически подразумевали немалый объем властных полномочий. Вот почему современники воспринимали этих душеприказчиков как опекунов малолетнего Ивана IV и реальных правителей страны. Свидетельством тому можно считать приведенные выше слова псковского летописца. Аналогичной информацией о том, в чьих руках на самом деле находилась власть в первые недели и месяцы после смерти Василия III, располагали иностранные наблюдатели. К изучению этих сведений мы теперь и переходим.

4. Иностранные свидетельства об опекунском совете при малолетнем Иване IV

Иностранные свидетельства о событиях 1530-х гг. при московском дворе до сих пор остаются, по существу, не востребованными. До недавнего времени исследователям было известно лишь одно сочинение такого рода – «Записки о московитских делах» (в немецком издании

---

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 231. Выше (см. с. 53) мною уже были отмечены существенные разночтения между основными списками Повести в трактовке этого эпизода. В Пост. и Соф. Р. И. Семенов назван «шатерничим», а имя М. Ю. Захарьина заменено безличным словом «бояре» (Т. 34. С. 24; Т. 6. С. 276).

¹⁹⁵ ПЛ. Вып. 1. С. 106.

¹⁹⁶ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 399; Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 77, 80; Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 26 (продолжение сноски 18); Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 216.

¹⁹⁷ Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты. С. 282; Rüß H. Elena Vasil'evna Glinskaja. S. 488 – 490; Idem. Der Bojar M. Ju. Zachar'in. S. 174.

– «Московия») Сигизмунда Герберштейна, где рассказ доведен до смерти Елены Глинской (1538 г.). Однако, как показал источниковедческий анализ «Записок», ценность сообщаемых австрийским дипломатом сведений о событиях в Москве после смерти Василия III весьма невелика: рассказ Герберштейна грешит излишней морализацией, не свободен от анахронизмов, а главное – содержащаяся в нем информация вторична, будучи полностью заимствованной из польских источников¹⁹⁸.

Целесообразно поэтому начать с рассмотрения самых ранних известий о положении при московском дворе, которые были получены в литовской столице уже в конце декабря 1533 – начале января 1534 г. Эти сведения содержатся в письмах, которые прусский герцог Альбрехт получал от своих корреспондентов при дворе польского короля и великого князя литовского Сигизмунда I. Переписка герцога составила обширный фонд бывшего Кенигсбергского архива, который ныне находится в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия (Берлин-Далем)¹⁹⁹. Интересующие нас письма опубликованы польскими учеными в составе коллекции дипломатических документов «Акта Томициана».

Как явствует из послания Петра Опалинского, каштеляна лендзского, герцогу Альбрехту от 27 декабря 1533 г., первые известия о смерти великого князя московского пришли в Вильну из Полоцка и других пограничных мест 24 декабря. Здесь же сообщалось, что государь оставил маленького сына («может быть, четырех или пяти лет от роду»), которого дядья, т.е. братья его покойного отца, хотят лишить княжеской власти (*de Ducatu et imperio insidias struunt*)²⁰⁰.

6 января 1534 г. Николай Нипшиц, секретарь Сигизмунда I и постоянный корреспондент прусского герцога при королевском дворе, сообщал Альбрехту из Вильны: «...из Москвы пришло достоверное известие, что великий князь умер и что его сын, трех лет от роду, избран великим князем, а князь Юрий (*herczog Yorg*), его двоюродный брат (? – *feter*), – опекуном (*formund*), и это правление установлено на 10 лет (*das regement X jor befohlen*)»²⁰¹. В тот день, однако, Нипшиц это письмо адресату не отправил и 14 января сделал к нему приписку: «Говорят, что князь Юрий (*herczog Yurg*), который должен быть опекуном, хочет сам быть великим князем (*vyl selbst grosfurscht seyn*), из-за чего можно ожидать в Москве внутреннюю войну»²⁰².

Другой виленский корреспондент Альбрехта, Марцин Зборовский, староста одолановский и шидловский, писал ему 10 января о том, что «Его королевскому величеству [Сигизмунду I. – М. К.] стало доподлинно известно, что его враг Московит недавно расстался с жизнью и перед смертью избрал своего еще не достигшего совершеннолетия сына своим преемником на великокняжеском престоле, вверив его опеке двух своих первосоветников; тот же Московит оставил двух своих законных родных братьев (бывших уже в зрелом возрасте), которые, возможно, имели больше прав на таковое избрание и опеку (*maius interesse ad talem electionem et tutelam... habuissent*); каковые братья не возражали и не противились этому провозглашенному тогда избранию»²⁰³.

Для правильной оценки приведенных выше свидетельств важно учесть, что их источником послужили слухи, циркулировавшие в то время в Русском государстве и проникавшие за его границы. Разумеется, подобного рода информация нуждается в тщательной проверке: ни одно из этих известий, взятое в отдельности, не может считаться достоверным. Если анонимный автор летописной Повести о смерти Василия III, по единодушному мнению ученых,

¹⁹⁸ См. подробнее: Кром М. М. «Записки» С. Герберштейна и польские известия. С. 77 – 86.

¹⁹⁹ GStAPK, Herzogliches Briefarchiv, B (Polen).

²⁰⁰ AT. T. XV. Posnaniae, etc. 1957. № 601. P. 864.

²⁰¹ AT. T. XVI. Pars 1. Posnaniae, etc. 1960. № 11. P. 21.

²⁰² AT. T. XVI. Pars 1. № 11. P. 22.

²⁰³ Ibid. № 18. P. 32.

описал все происходящее как очевидец, то слухи о переменах в Москве, записанные в Литве, доносят до нас лишь отголоски декабрьских событий 1533 г.

И тем не менее эта запись людской молвы может стать для историка источником ценной информации. Во-первых, в нашем распоряжении имеется не одно, а целый комплекс подобных известий, которые непрерывным потоком поступали в литовскую столицу на протяжении 1534 г. Соответственно появляется возможность их сопоставления между собой и с другими источниками. Во-вторых, важным достоинством этой информации является ее современность описываемым событиям: если летописные рассказы о смерти Василия III, как мы уже знаем, дошли до нас в списках не ранее 1550-х гг. и не раз подвергались тенденциозной правке, то упомянутые выше слухи записаны, что называется, «по горячим следам». Наконец, в-третьих, эти политические толки ценны сами по себе как отражение существовавших тогда настроений и ожиданий.

...да часа того меж себе бояре крест целовали все на том, что им великой княгине и сыну ее великому князю Ивану прямо служить, и великого княжения под ним беречи в правду без хитрости заодин; да и братью его [Василия III. – М. К], князя Юрия и князя Андреа, часа того привели к целованию пред отцем их Данилом митрополитом на том, что им братаничю своему великому князю Ивану добра хотети, и великого княжения под ним блюсти и стеречи и самим не хотети. И повелеша князей и детей боярских к целованию приводити, да и по всем градом послати всех людей приводити к целованию на том, что им служить великому князю и добра хотети и земле без хитрости²⁰⁴.

Рассматривая приведенные выше известия в динамике, можно заметить, как постепенно уточнялась первоначальная версия событий. Самые ранние сообщения отразили, надо полагать, ожидания информаторов и, следовательно, определенных кругов в Москве – ожидания, что опекуном будет брат покойного государя, князь Юрий. Это было бы вполне в духе традиции: вспомним, что Василий I во всех трех вариантах своего завещания среди опекунов жены и детей непременно называет свою «братью молодшую»²⁰⁵. Однако Василий III распорядился иначе: к середине января в Вильно уже знали, что опекунами являются другие лица.

В процитированном выше послании Зборовского герцогу Альбрехту от 10 января обращает на себя внимание ссылка на надежные сведения, полученные тогда при дворе Сигизмунда I («Его королевскому величеству стало доподлинно известно»). Не означает ли это, что, помимо слухов, виленские наблюдатели располагали к тому времени и каким-то другим источником информации о московских делах?

Этот источник прямо называет в своем письме герцогу Альбрехту от 15 января 1534 г. Николай Нипшиц. По его словам, виленский епископ Ян и канцлер Великого княжества Литовского Ольбрахт Гаштольд посылали тайных гонцов «к своим приятелям, знатнейшим советникам в Москве (*bey yren freynden bey den fornemsten reten yn der Moska*)»²⁰⁶. Обращение к материалам русской посольской книги 1530-х гг. позволяет уточнить, о каких гонцах идет речь и к кому они были посланы.

1 декабря 1533 г. в Москве стало известно о прибытии на границу литовского посланника Юшки Клинского, но в связи с тяжелой болезнью великого князя он был задержан в Вязьме. Как выяснилось, посланник вез грамоту от литовских панов-рады, виленского епископа князя Яна и канцлера О. М. Гаштольда, адресованную «братьи и приятелем нашим» – боярам кн. Д. Ф. Бельскому и М.Ю. Захарьину. 18 декабря, уже после смерти Василия III, Клинский был принят кн. Д. Ф. Бельским на своем дворе; на приеме присутствовали также М. Ю. Захарьин,

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 285 – 286.

²⁰⁵ ДДГ. № 20 – 22. С. 57, 59, 62.

²⁰⁶ АТ. Т. XVI. Pars. 1. № 38. Р. 68.

дворецкий И. Ю. Шигона, дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишури. 21 декабря посланник был отпущен обратно в Литву²⁰⁷.

Следовательно, под «приятелями» литовских панов в письме Нипшица имелись в виду бояре кн. Д. Ф. Бельский и М. Ю. Захарьин. Учитывая, что дорога от Москвы до Вильны занимала тогда в среднем несколько недель²⁰⁸, Клинский мог вернуться в литовскую столицу в первой декаде января, и, возможно, именно полученная от него информация была использована Нипшицем в упомянутом выше послании Альбрехту от 15 января.

Сообщая далее герцогу в том же письме о возвращении литовских гонцов из Москвы, Нипшиц написал (по-видимому, с их слов): «Тот, который был назначен опекуном (*Der, so formud geseczt*), уже схвачен: он вел интриги, чтобы самому стать великим князем. Опекунами являются трое других господ (*Synt andre drey hern formuden*)...»²⁰⁹

Ту же версию Нипшиц повторил в послании Альбрехту, написанном в конце января 1534 г. По его словам, ожидается прибытие московского посольства²¹⁰ с известием о том, что «старый [великий князь. – М. К.] умер, и его сын в трехлетнем возрасте избран великим князем, а три господина, которые стали опекунами (*dy III hern, so formunden vorden*), будут править от его имени; каковые опека и управление должны продлиться 15 лет (*welcher formutschaft und regement 15 yor lank tauren solt*)...»²¹¹.

То, что именно такая трактовка последних распоряжений Василия III была в итоге признана литовскими и польскими наблюдателями заслуживающей доверия, явствует не только из приведенных выше писем Нипшица, но прежде всего из того факта, что как раз эту версию излагает (с ценным дополнением!) придворный историограф Сигизмунда I Бернард Ваповский в своей Хронике, над которой он работал в те годы. «Василий, князь московитов, – сообщает хронист под 1533 г., – скончался, оставив по завещанию своим наследником четырехлетнего сына и при нем – трех правителей (*gubernators*), которым больше всего доверял; среди них был Михаил Глинский, литовец...»²¹²

Со слов своих польских информаторов эту версию повторил и С. Герберштейн. В «Записках о московитских делах» (1549 г.) он дважды упоминает о назначении Глинского опекуном малолетних сыновей Василия III: сначала под рубрикой «Обряды, установленные после венчания великого князя», в рассказе о втором браке Василия III, а затем в разделе «Хорография» – в связи с биографией князя Глинского. По содержанию оба сообщения полностью совпадают. Так, в «Хорографии» говорится: «Государь возлагал на него [Глинского. – М. К.] большие надежды, так как верил, что благодаря его доблести сыновья будут на царстве (*in regno*) в безопасности со стороны братьев [Василия III. – М. К.], и в конце концов назначил его в завещании опекуном над своими сыновьями»²¹³. В немецком издании 1557 г. Герберштейн внес сюда добавление: «...назначил... опекуном наряду с некоторыми другими»²¹⁴ (выделено мной. – М. К.). Итак, с учетом поправки 1557 г. описанная Герберштейном ситуация выглядит следую-

²⁰⁷ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 1 – 2, 4.

²⁰⁸ Так, грамота панов-рады, посланная с Ю. Клинским, датирована в Вильне 8 ноября 1533 г., а 1 декабря Василий III получил донесение от смоленского наместника кн. А. А. Ростовского о прибытии посланника на русскую границу (Сб. РИО. Т. 59. С. 1, 3). Посланные в Литву с ответной миссией 27 декабря 1533 г. Т. В. Бражников и Ю. Звягин вернулись в Москву 24 февраля и привезли грамоту от литовских панов, датированную в Вильне 8 февраля 1534 г. (Там же. С. 10, 13).

²⁰⁹ АТ. Т. XVI. Pars 1. № 38. Р. 68.

²¹⁰ Речь идет, очевидно, о Т. В. Бражникове и Ю. Звягине, которые уже в середине января 1534 г. прибыли в Литву, но должны были дожидаться окончания сейма, созванного в Вильне, прежде чем их допустили в столицу Великого княжества (см.: АТ. Т. XVI. Pars 1. № 11. Р. 22).

²¹¹ АТ. Т. XVI. Pars 1. № 73. Р. 156.

²¹² *Kroniki Bernarda Wapowskiego... część ostatnia*. Kraków, 1874. S. 249.

²¹³ Herberstein S. *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Viennae, 1549, f. XXV 3-й пагин. Перевод уточнен мною по сравнению с имеющимся (см.: Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А.И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988. С. 191).

²¹⁴ Герберштейн С. Записки. С. 191, и подстрочный аппарат с. 192 (вар. «з – з»).

щим образом: Василий III, опасаясь притязаний своих братьев на престол, поручил сыновей опеке Михаила Глинского и еще нескольких лиц.

Нетрудно заметить, что сообщение Герберштейна об опекунах сыновей Василия III очень близко к информации по этому вопросу, которой располагали придворные Сигизмунда I (ср. особенно с Хроникой Б. Ваповского). Это не удивительно: в 1530-е гг. между австрийским и польским дворами велась оживленная переписка, в 1535 г. Герберштейн принимал в Вене польское посольство, а в 1539 г. сам посетил Польшу²¹⁵. Но хотя сведения автора «Записок» в данном случае, несомненно, вторичны по отношению к приведенным выше источникам польско-литовского происхождения, рассказ Герберштейна может служить косвенным подтверждением того факта, что именно эту версию московских событий конца 1533 г. считали достоверной его польские информаторы.

Итак, ранние литовские и польские известия, близкие по времени к событиям конца 1533 г., определенно говорят о числе опекунов и называют по имени одного из них – князя Глинского. (Повышенное внимание Ваповского и Герберштейна именно к его особе объясняется той памятью, которую оставил по себе этот авантюрист в Великом княжестве Литовском и других странах Европы.) Но, как мы помним, Глинский входил вместе с Захарьиным и Шигоной Поджогиним в группу из трех наиболее доверенных лиц, которым, согласно летописной Повести, Василий III дал последние наставления о своей жене и о том, как после него «царству строиться». Совпадение числа опекунов (душеприказчиков) и имени одного из них между летописным рассказом о смерти Василия III и независимым от него ранним источником – польской хроникой Ваповского, написанной не позднее 1535 г. (года смерти хрониста)²¹⁶, – заставляет предполагать, что речь идет об одних и тех же лицах. Упомянутые в польских источниках «трое господ» – опекунов, «первосоветников», «правителей» – это, очевидно, те самые «бояре немногие», которым, согласно псковскому летописцу, государь приказал «беречи» своего сына до совершеннолетия²¹⁷.

Итак, если наше предположение верно, то двое коллег Глинского по опекунскому совету, не названных Ваповским по имени, это – Захарьин и Шигона Поджогин. Но прежде чем окончательно остановиться на этой версии, рассмотрим еще одно польское известие, относящее к числу опекунов другое лицо – кн. Д. Ф. Бельского.

7 сентября 1534 г. перемышльский епископ Ян Хоеньский сообщал из Вильны одному из своих корреспондентов о приезде к королю двух знатных московитов. Одним из этих беглецов был «Семен, князь Бельский, который оставил в Москве двух братьев, старших по рождению, из коих [самый] старший был опекуном князя Московского, [а] средний является начальником войска...»²¹⁸. Старшим братом Семена был князь Дмитрий Федорович Бельский. Но можно ли считать данное свидетельство весомым аргументом в пользу упомянутой выше гипотезы А. А. Зимина, полагавшего, что Василий III назначил опекунами именно князей Бельского и Глинского? Думаю, что нет.

Прежде всего в приведенном сообщении вовсе не сказано, что опекуном кн. Д. Ф. Бельского назначил покойный государь: выражение «был опекуном» (или «играл роль опекуна»: *tutorem egit*) оставляет открытым вопрос, когда и при каких обстоятельствах князь Дмитрий приступил к опекунским обязанностям. Кроме того, нужно учесть, что процитированное нами

²¹⁵ См. подробнее: Кром М. М. «Записки» С. Герберштейна и польские известия. С. 78.

²¹⁶ Сводку биографических данных о Бернарде Ваповском – секретаре и историографе короля Сигизмунда I в 1516 – 1535 гг. см.: Wyczański A. Między kulturą i polityką: Sekretarze królewscy Zygmunta Starego (1506 – 1548). Warszawa, 1990. S. 269 – 270. Подробнее о хронике Б. Ваповского см.: Lukas S. Rozbiór podługoszowej części Kroniki Wapowskiego. Kraków, 1880; Кром М. М. Сведения по истории России конца XV – первой трети XVI в. в Хронике Бернарда Ваповского // Россия в IX – XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. Сб. статей и тезисов докладов вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 26 – 28 января 1995 г. М., 1999. С. 229 – 232.

²¹⁷ ПЛ. Вып. 1. С. 106.

²¹⁸ АТ. Т. XVI. Pars 2. Wratlaviae, etc. 1961. № 455. P. 140.

сообщение Хоенского стоит особняком: оно никак не связано с рассмотренной выше серией известий, явившихся откликом на смерть Василия III и следовавшие за нею московские события; да и вообще ни в одном другом польском источнике не содержится упоминания об опекунстве Бельского. Но главным препятствием, не позволяющим принять эту версию всерьез, является отсутствие у нее какой-либо опоры в русских источниках: как было показано выше, текст летописной Повести о смерти Василия III (по списку Дубровского), на который ссылается Зимин в обоснование своей гипотезы, является, по-видимому, позднейшей вставкой и уж во всяком случае не содержит никаких намеков на предоставление кому-либо опекунских полномочий.

Кн. Д. Ф. Бельский действительно занимал одно из первых мест в придворной иерархии в последние годы правления Василия III, а в первые недели великого княжения нового государя, юного Ивана IV, он выполнял, как мы уже знаем, важные представительские функции (в частности, принимал на своем дворе литовского посланника). Но о его опеке над Иваном IV никаких данных нет. Поэтому не следует, на мой взгляд, понимать буквально вышеприведенное свидетельство Яна Хоенского. Нужно учесть, что в польских известиях о событиях 30-х гг. XVI в. в Москве термины «правитель» и «опекун» часто употреблялись как синонимы. Показательно, например, что в переписке польских сановников 1535 – 1536 гг. «опекуном» именуется фаворит Елены Глинской князь И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский²¹⁹, а Марцин Бельский в своей «Хронике всего света» величает Ивана Овчину «справцей» и опекуном молодого князя Московского²²⁰. В этой связи представляется, что и слова Яна Хоенского об «опекунстве» старшего из братьев Бельских являются лишь отражением того несомненного факта, что в первое время после смерти Василия III князю Д. Ф. Бельскому принадлежало одно из первых мест на московском политическом олимпе.

* * *

Итак, анализ всех сохранившихся свидетельств об опекунах, оставленных Василием III при своем наследнике, приводит нас к выводу, что наиболее вероятной версией, имеющей серьезную опору в русских и зарубежных источниках, является версия о своего рода «триумvirате» в составе кн. М. Л. Глинского, М. Ю. Захарьина и И. Ю. Шигоны Поджогина, которым как душеприказчикам великого князя была поручена опека над его семьей.

Вопреки мнению Р. Г. Скрынникова, опекунский совет не был «правительственной комиссией» или «одной из комиссий» Боярской думы²²¹. Выбирая душеприказчиков, Василий III не руководствовался местническими или бюрократическими принципами, а основывался только на личном доверии к тому или иному человеку. Кн. Д. Ф. Бельский, номинально первый боярин в государевой «думе», даже не был приглашен к составлению великокняжеского завещания. Зато незнатный Иван Шигона и чужак в придворной среде кн. Михаил Глинский (не имевший думного чина) были вместе с боярином Захарьиным назначены душеприказчиками и фактически – опекунами великокняжеской семьи. Несомненно, трое перечисленных лиц входили в узкий круг самых близких к великому князю людей, как это явствует из анализа летописной Повести и из процитированного выше завещания духовного отца Василия III – благовещенского протопопа Василия Кузьмича.

Вообще, как справедливо отметил в свое время В. И. Сергеевич, в летописном рассказе о последних днях жизни Василия III не видно «думы» как учреждения: там упоминаются только

²¹⁹ АТ. Т. XVII. Wratislaviae, etc. 1966. № 139. P. 198; Elementa ad Fontium Editiones. Vol. XLVII. Romae, 1979. № 207. P. 54.

²²⁰ Bielski M. Kronika wssytkyego swiata. Kraków, 1554. K. 302 v.

²²¹ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 84; Его же. История Российская. С. 254, 255.

думцы, которых государь считал нужным призвать к себе в тот или иной момент²²². По мнению Сергеевича, первое же описанное в Повести совещание – о том, кого пригласить в «думу» о духовной грамоте, – точно соответствовало известной характеристике, данной несчастным Иваном Берсеном Беклемишевым тому способу правления, который применял Василий III («... ныне деи государь наш, запершыся сам-третей у постели, всякие дела делает»)²²³. Действительно, великий князь начал обсуждать вопрос о своей духовной сам-третей (с Шигоней и дьяком Меньшим Путятиным), а в самом последнем обсуждении государственных дел, как мы знаем, участвовали только три его советника: тот же Шигона да кн. Глинский с Захарьиным.

О функциях душеприказчиков-опекунов мы можем судить только по Повести о смерти Василия III и косвенно по их роли в последовавших за кончиной великого князя событиях. Согласно неоднократно уже цитированной выше летописной фразе, Василий III отдал распоряжения названным трем лицам «о своей великой княгине Елене, и како ей без него быти, и как к ней бояром ходити...»²²⁴. Учитывая, что это говорилось в отсутствие самой великой княгини, приведенные слова трудно понять иначе, как учреждение опеки над Еленой, а «хождение» к ней бояр в данном контексте выглядит скорее как соблюдение придворного этикета, чем как передача вдове Василия III каких-то реальных правительственных функций. Примечательно, что в проанализированных выше известиях о декабрьских событиях в Москве, приходивших в литовскую столицу, ни словом не упоминается великая княгиня. На мой взгляд, это косвенно свидетельствует о той скромной роли, которую в первое время после смерти Василия III играла в московской политической жизни его вдова.

Помимо указаний относительно положения великой княгини, государь дал трем душеприказчикам и другие инструкции, скрытые за общей летописной фразой «и о всем им приказа, како без него царству строитися»²²⁵. Поскольку эта беседа «сам-четверт» была последней в ряду подобных совещаний Василия III со своими приближенными, приведенную летописную фразу можно истолковать как передачу Глинскому «с товарищи» неких контрольных функций. Очевидно, они становились главными гарантами выполнения политической воли умирающего великого князя.

Но как в таком случае понимать инструкции, которые, согласно той же Повести, Василий III ранее дал десяти советникам во главе с князьями Шуйскими? Им, по словам летописца, государь «приказал» «о своем сыну великом князе Иване Васильевиче, и о устроении земском, и како быти и правити после его государства»²²⁶.

Выше я высказал предположение о том, что все эти лица, принимавшие участие в составлении духовной великого князя, были в ней упомянуты: князья В. В. и И. В. Шуйские, М. С. Воронцов, М. В. Тучков и казначей П. И. Головин – в качестве свидетелей, кн. М. Л. Глинский, М. Ю. Захарьин и И. Ю. Шигона – в качестве душеприказчиков, дьяки Меньшой Путятин и Федор Мишуринов – в качестве писцов грамоты. Очевидно, что свидетели великокняжеского завещания также выступали гарантами его выполнения. Все участники «думы» о духовной несли ответственность за осуществление последних распоряжений государя, и смысл приведенного выше наказа, на мой взгляд, состоял в том, чтобы напомнить им об этих возложенных на них обязанностях. Однако видеть в процитированных словах летописца указание на

²²² Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 2. С. 397 – 400.

²²³ ААЭ. Т. I. № 172. С. 142; Сергеевич В. И. Древности. С. 398.

²²⁴ Эти слова одинаково читаются во всех списках ранней редакции Повести: ПСРЛ. Т. 34. С. 21; Т. 6. С. 272; Т. 43. С. 229.

²²⁵ Цитирую по Соф.: ПСРЛ. Т. 6. С. 272. Тот же текст в Пост. и Дубр., различается только написание отдельных слов: Т. 34. С. 21; Т. 43. С. 229.

²²⁶ Цитирую по Соф.: ПСРЛ. Т. 6. С. 272. Как было показано выше, в издании Пост. это место испорчено, в Дубр. – сокращено (Т. 34. С. 21; Т. 43. С. 229).

создание особого органа – регентского совета, как полагают некоторые исследователи²²⁷, с моей точки зрения, нет оснований.

Среди десяти доверенных лиц, выслушавших последние наставления великого князя о его наследнике, об «устроении земском» и о том, как в дальнейшем «быти и правити после его государства», были влиятельные бояре, дворецкий, казначей и два дьяка, в чьих руках находились реальные рычаги управления страной. Очевидно, предполагалось, что и при новом великом князе, малолетнем Иване IV, ведение государственных дел будут осуществлять те же лица, которые занимались этим при его отце. Никаких новых должностей или органов власти, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении источникам, последние распоряжения Василия III не предусматривали.

Вообще, за исключением «приказаний» великим князем своего «государства» сыну Ивану и поручения его, в свою очередь, заступничеству небесных сил и опеке митрополита Даниила, никаких других прямых «назначений» в тексте Повести о смерти Василия III обнаружить не удастся. Лишь по косвенным признакам и привлекая другие источники, как было показано выше, можно обосновать гипотезу об особых полномочиях, данных трем душеприказчикам – Глинскому, Захарьину и Шигоне Поджогину. Что же касается остальных многочисленных «приказаний», т.е. наказов, с которыми государь в последние дни своей жизни обращался к митрополиту, братьям Юрию и Андрею, всем боярам и группам советников разного состава, то смысл их сводился к одному – призыву защитить права малолетнего наследника на престол, избежать междоусобной розни и обеспечить безопасность великокняжеской семьи.

Особые властные полномочия душеприказчиков, судя по всему, не были внесены в духовную грамоту Василия III, а, как предполагал еще А. А. Зимин, составили предмет устных распоряжений великого князя. Но как раз это обстоятельство делало положение «триумвирата» в придворной среде очень непрочным. Летописные свидетельства о последних днях жизни Василия III наглядно показывают, как тонко заметил А. Е. Пресняков, неразрешимые трудности, с которыми столкнулся великий князь, «пытаясь предупредить неизбежную борьбу за власть по его смерти». Многочисленные «приказания», которые он, судя по тексту Повести, дал своим приближенным, представляли собой, по удачному определению историка, «безнадежную попытку уладить на ряде компромиссов назревшие в правящей среде антагонизмы»²²⁸.

---

²²⁷ Корзинин А. Л. Регентский совет. С. 106.

²²⁸ Пресняков А. Е. Завещание Василия III. С. 80.

Глава 2

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ПРИ МОСКОВСКОМ ДВОРЕ В КОНЦЕ 1533 И В 1534 Г

1. Арест князя Юрия Дмитровского

Первым делом новой власти, как только Василий III скончался, стало приведение к присяге на верность юному государю и его матери братьев покойного, бояр и детей боярских. Подробный рассказ об этой акции содержится в летописной Повести о смерти великого князя Василия Ивановича, краткое сообщение о том же помещено в Воскресенской летописи. При этом главным действующим лицом этого эпизода в изображении Повести оказывается митрополит Даниил, в то время как Воскресенская летопись отводит эту роль боярам:

Повесть о смерти Василия III Воскресенская летопись

Повесть о смерти Василия III (списки <i>Пост.</i> и <i>Соф.</i>)	Воскресенская летопись
Тогда же Данил митрополит взял братью великого князя, князя Юрия и князя Андрея Ивановичев, в переднюю избу и приведе их к крестному целованию на том, что им служили великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и его матери великой княгине Елене, а жили им на своих уделах, а стояти им в правде, на чем целовали крест великому князю Василию Ивановичу всеа Руси и крепости промежу ими с великим князем Васильем. А государства им под великим князем Иваном не хотели, ни людей им от великого князя Ивана к себе не отымали, а противу недругов великого князя и своих, латынства и безсмерства, стояти им прямо воцпе заодно. А бояр и боярских детей и княжат на том приведе к крестному целованию, что им великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и его матери великой княгине Елене и всей земли хотели им добра вправду и от недругов великого князя и всеа земли, от безсмерства и от латынства, стояти воцпе заодно, а иного им государя мимо великого князя Ивана не искали *.	... да часа того меж себе бояре крест целовали все на том, что им великой княгине и сыну ее великому князю Ивану прямо служили, и великого княжества под ним беречи в правду без хитрости заодно; да и братью его [Василия III. — <i>М. К.</i>], князя Юрия и князя Андрея, часа того привели к целованию пред отцем их Данилом митрополитом на том, что им братанню своему великому князю Ивану добра хотели, и великого княжества под ним блюсти и стеречи и самим не хотели. И повелеша князей и детей боярских к целованию приводити, да и по всем градом послати всех людей приводити к целованию на том, что им служили великому князю и добра хотели и земле без хитрости **.

* ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 24; Т. 6. СПб., 1853. С. 275. Тот же текст с незначительными разночтениями в Дубр.: ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 231.

** ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 285 – 286.

Лишь после того, как процедура крестного целования была завершена, митрополит, а также братья покойного государя Юрий и Андрей вместе с боярами пошли утешать («тешити») вдову великого князя. Елена при виде приближающейся процессии потеряла сознание: «... бысть яко мертва и лежа часа з два, и едва очутися»²²⁹.

Поскольку первоначальная редакция Повести о смерти Василия III была составлена, вероятно, в то время, когда на митрополичьем престоле был Даниил (т.е. до 1539 г.), то неудивительно, что именно он оказывается в центре описываемых событий: митрополит, «взем» братьев великого князя в переднюю избу, «приведе» их к крестному целованию на верность Ивану IV и его матери; и он же «приведе» к крестному целованию бояр, детей боярских и княжат. Совершенно иная тенденция характерна для Воскресенской летописи, составленной в 40-е годы, в разгар «боярского правления». Здесь роль Даниила сведена к минимуму: оказывается, бояре сами «меж себе» крест целовали, что будут верно служить великой княгине и ее сыну великому князю (именно в таком порядке!); они же «братию» покойного государя, Юрия и Андрея, «привели к целованию пред отцем их Данилом митрополитом» и «повелеша князей и детей боярских к целованию приводити».

Вопреки крайне тенденциозной версии Воскресенской летописи, можно предположить, что роль митрополита в первые часы и дни после смерти Василия III была действительно значительной, тем более, что все ритуалы и церемонии, связанные с концом прежнего царствования и началом нового (присяга на верность юному великому князю и его матери, похороны

²²⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 24; Т. 6. С. 275; Т. 43. С. 231.

умершего государя, поставление на великое княжение его малолетнего сына), требовали его непосредственного участия.

На третий день после смерти Василия III в Успенском соборе в присутствии высшего духовенства и бояр состоялось торжественное поставление его сына Ивана на великое княжение²³⁰. Вслед за тем «по всем градом вотчины его», по словам летописи Дубровского, прошло целование креста новому государю²³¹. Другая новгородская летопись, Большаковская, сообщает в декабрьской статье 7042 (1533) г. о том, как наместники и дьяки «по государеву велению приведоша весь Великий Новгород к целованию великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси самодержцу»²³².

В той же летописи есть уникальное известие о присылке в Новгород в первые дни нового царствования И. И. Беззубцева с повелением архиепископу Макарию и всему новгородскому и псковскому духовенству и православным христианам молиться «о устроении земском и о тишине, и о многолетнем здравии и спасении великого князя Ивана Васильевича и его христоролюбивом князи Георгии Васильевичи...». Архиепископ 11 декабря совершил молебен «и прославление сотвори, и многолетство великому князю Ивану Васильевичу, самодержцу Руския земли, и литургию свершив со игумены и со всем собором о государеве здравии»²³³.

Между тем в столице в этот день произошло событие, имевшее широкий резонанс как в самой стране, так и за ее пределами: 11 декабря 1533 г. был арестован дядя юного Ивана IV, князь Юрий Иванович Дмитровский.

Два основных источника, повествующих об этом событии, прямо противоречат друг другу. Воскресенская летопись всю вину за случившееся возлагает на самого князя Юрия: он-де присылал своего дьяка Третьяка Тишкова к князю Андрею Шуйскому с предложением перейти к нему на службу, но тот отказался, обвинив старицкого князя в нарушении недавнего крестоцелования юному великому князю. В ответ дьяк объявил то крестоцелование «невольным», а значит, не имеющим силы: «...князя Юрия бояре приводили заперши к целованию, а сами князю Юрию за великого князя правды не дали, ино то какое целование, то невольное целование». Тогда кн. А. Шуйский рассказал обо всем князю Борису Ивановичу Горбатову, а тот передал боярам, которые доложили о случившемся великой княгине. И Елена, по словам летописца, «берегучи сына и земли», приказала боярам «поимати» князя Юрия; в оковах он был посажен «за сторожи» в палату, где ранее сидел князь Дмитрий-внук²³⁴.

Совершенно иная трактовка тех же событий содержится в Летописце начала царства. Здесь главным «злодеем» изображается кн. Андрей Шуйский, задумавший «отъехать» к Юрию Дмитровскому. Часть вины возлагается также на бояр, омраченных «дьяволим действом»: оказывается, дьявол, всегда радующийся человеческой гибели, кровопролитию и междоусобной брани, вложил боярам «мысль неблагоу»: «...только не поимати князя Юрия Ивановича, ино великого князя государству крепку быти нельзя, потому что государь еще млад, трех лет, а князь Юрия совершенный человек, люди приучити умеет; и как люди к нему пойдут, и он станет под великим князем государства его подискивати»²³⁵.

²³⁰ Описание этой церемонии сохранилось в Псковской I летописи: ПЛ. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 106. Дату сообщает Новгородская II (Архивская) летопись: после известия о смерти Василия III 4 декабря 7042 (1533) г. здесь говорится: «...да поставили сына его на великое княжение Ивана Васильевича в 6 день на праздник святого Николы чудотворца» (ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 147). Стало быть, Иван IV был официально возведен («поставлен») на великокняжеский престол 6 декабря 1533 г.

²³¹ ПСРЛ. Т. 43. С. 233.

²³² Коняевская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 377 – 378.

²³³ Там же.

²³⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 286. Имеется в виду внук Ивана III, князь Дмитрий Иванович, некоторое время считавшийся наследником престола, а после победы придворной «партии» Софьи Палеолог и ее сына Василия (будущего великого князя) – заточенный до конца жизни в темницу.

²³⁵ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 10.

Таким образом, арест дмитровского князя изображается в этой летописи как задуманная боярами превентивная мера, направленная на защиту интересов малолетнего государя и его матери. От самого же Юрия летописец старается отвести даже тень подозрения: «А у князя некоторого же помышления лихово не было». Несмотря на предупреждения своих бояр и детей боярских о нависшей над ним угрозе «поимания», Юрий отказывался уехать в Дмитров, подчеркивая верность крестному целованию, данному им покойному брату Василию и его сыну – юному великому князю Ивану. «Готов есми по своей правде и умерети», – якобы говорил дмитровский князь своим боярам²³⁶.

Но главным орудием дьявола в этом рассказе изображен князь Андрей Шуйский. Летописец напоминает о том, что прежде, еще при Василии III, он вместе с братом Иваном уже «отъезжал» к князю Юрию. Тогда дмитровский князь выдал их посланцам великого князя, который разослал их в заточение по городам. После смерти Василия Ивановича его вдова пожаловала братьев Шуйских, выпустила из заточения; «а большее митрополит и бояре печаловались, – поясняет летописец, – понеже бо великая княгиня тогда в велицей печали по великом князе Василии Ивановиче»²³⁷. Оказавшись на свободе, кн. Андрей, «мало побыв тако, паки мыслил ко князю Юрию отъехать, и не токмо отъехать, но и на великое княжение его поднати, а у князя [Юрия. – М. К.] сего на мысли не было, понеже бо крест целовал великому князю, како было ему изменить?»²³⁸

По версии Летописца начала царства, князь Андрей Шуйский попытался подговорить своего родственника князя Бориса Ивановича Горбатого «отъехать» с ним вместе к Юрию Дмитровскому. Однако кн. Горбатый не только отказался, «но и ему [Андрею. – М. К.] возбраняше». Тогда князь Андрей, «видя, яко неугоден явился совет его князю Борису», донес на него великой княгине и великому князю, сказав, будто князь Борис подговаривал его «отъехать» к князю Юрию. Оклеветанный Б. Горбатый бил челом на обидчика, и великая княгиня, «того сыскав, что князь Ондрей лгал, а князь Борис сказал правду», велела посадить Андрея Шуйского в башню «за сторожи»²³⁹.

Казалось бы, «злодей» наказан, и инцидент можно было считать исчерпанным. Но бояре заявили великой княгине: «Толко, государыни, хочешь государство под собою и под сыном под своим, а под нашим государем крепко держати, и тебе пригоже велети поимати князя Юрия». Великая же княгиня, продолжает летописец, «тогда быше в велицей кручине по великом князе Василье и рече бояром: «Как будет пригоже, и вы так делайте. Бояре же оттоле почали думати». Приняв решение о «поимании» князя Юрия, бояре сказали свою «думу» великой княгине. Елена им ответила: «То ведаете вы». И бояре князя Юрия «изымали месяца декабря в 11 день...»²⁴⁰.

Как уже отмечалось в литературе, обе летописные версии событий 11 декабря 1533 г. тенденциозны, причем тенденции эти прямо противоположны²⁴¹. Если Воскресенская летопись однозначно говорит о попытке дмитровского князя переманить к себе на службу Андрея Шуйского (а самого князя Андрея изображает верноподданным Ивана IV) и возлагает на Елену Глинскую всю ответственность за арест Юрия, то Летописец начала царства, напротив, подчеркивает невиновность последнего, изобличает козни кн. А. Шуйского, а решение об аресте брата покойного государя всецело приписывает боярам.

²³⁶ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 11.

²³⁷ Там же. С. 10.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Там же. С. 11.

²⁴⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

²⁴¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 30; Rieß H. Machtkampf oder «feudale Reaktion»? Zu den innenpolitischen Auseinandersetzungen in Moskau nach dem Tode Vasilij's III // JGO. N. F. 1970. Bd. 18. S. 494 – 495.

Эволюция образа Юрия Дмитровского в официальном летописании 1540 – 1550-х гг. (из главы опасного заговора, каким он предстает в Воскресенской летописи, князь превращается под пером составителя Летописца начала царства в невинную жертву) отражает произошедшее за время, разделяющее эти два памятника, изменение позиции великокняжеской власти по отношению к государеву дяде.

О том, каково было отношение опекунов юного Ивана IV к князю Юрию сразу после ареста последнего, недвусмысленно свидетельствует наказ посланнику Т. В. Бражникову, отправленному 25 декабря 1533 г. в Литву с объявлением о том, что «князь великий Иван на отца своего государстве государем ся учинил»²⁴². На возможный вопрос о дмитровском князе посланник должен был ответить: «...князь Юрий Иванович после государя нашего великого князя Василья сыну его, государю нашему великому князю Ивану, через крестное целованье вборзе учал великие неправды делати, и государь наш на князя на Юрья опалу свою положил. И възмолвят: “что опалу положил?” – и Тимофею молвити: изымал его»²⁴³. Точно такую же инструкцию по поводу ареста Юрия Дмитровского получил Иван Челищев, отправленный с аналогичной миссией в Крым 8 января 1534 г.²⁴⁴

По-видимому, отношение великокняжеского окружения к государеву дяде, погибшему в тюрьме в 1536 г., не изменилось и в начале 1540-х гг., когда была завершена работа над Воскресенской летописью. Но спустя десять лет из уст повзрослевшего Ивана Васильевича прозвучали уже совершенно иные оценки произошедшего: в послании Стоглавому собору царь с горечью и раскаянием вспоминал о гибели своих дядей по вине «бояр и вельмож», которые, «яко помрачени умом, дръзнули поимати и скончати братию» его отца, Василия III. «И егда хочу възпомянути нужную их смерть и немилостивное мучение, – восклицал Иван, – весь слезами разливаюся и в покаание прихожу, и прощения у них прошу за юность и неведение»²⁴⁵. Как следствие, в уже известной нам статье Летописца начала царства «О князе Юрье» отразилась эта новая, санкционированная молодым государем трактовка событий, приведших к аресту дмитровского князя.

Тенденциозность и противоречивость двух основных источников информации о том, что собственно произошло в декабре 1533 г., ставят перед исследователями трудную проблему выбора: какую из приведенных летописных версий следует предпочесть? Н. М. Карамзин считал более вероятным известие Летописца начала царства – на том основании, что кн. А. Шуйский действительно был арестован и все годы правления Елены провел в темнице²⁴⁶.

С. М. Соловьев, возражая знаменитому историографу (которого он, однако, прямо не называет по имени), привел аргументы в пользу версии Воскресенской летописи, известной ему в изложении Никоновской летописи по списку Оболенского и Царственной книги. По его мнению, то, что летописец не упоминает об аресте Шуйского, еще не свидетельствует о невинности последнего; просто основное внимание в этом рассказе сосредоточено на причинах заключения под стражу дмитровского князя, а подробности, относящиеся к другому лицу, опущены. Зато данная версия, как считает Соловьев, обстоятельнее: автор знает, кого именно прислал Юрий к Андрею Шуйскому (дьяка Третьяка Тишкова) и как тот оправдывал действия своего князя. Что же касается сообщения Летописца начала царства, то историк признал его сомнительным по причине краткости времени, прошедшего от смерти Василия III до ареста князя Юрия; в столь короткий срок не могли уложиться описываемые этим летописцем события: освобождение Еленой кн. Шуйских из заточения в городах, куда они были отправлены

²⁴² Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 7.

²⁴³ Там же. С. 9.

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 123. Кн. 8. Л. 21.

²⁴⁵ Емченко Е. Б. Стоглав. С. 246.

²⁴⁶ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е (И. Эйнерлинга). В 3-х кн. Кн. II (Т. V – VIII). СПб., 1842. Т. VIII. Стб. 8.

великим князем Василием, их возвращение в Москву и последующая интрига, затеянная кн. Андреем Шуйским²⁴⁷.

Не все аргументы С. М. Соловьева представляются убедительными, но высказанные им сомнения относительно известия Летописца начала царства об освобождении князей Шуйских из заточения по приказу Елены Глинской имеют под собой, как я постараюсь показать ниже, серьезные основания.

И. И. Смирнов, подчеркивая тенденциозность обеих версий, предпочел, однако, не делать выбора между ними, а использовать фактические данные, содержащиеся и в том и в другом летописном рассказе, отбросив только недостоверную, по его мнению, информацию (соответственно, утверждение Летописца начала царства о невиновности Юрия и попытку Воскресенской летописи скрыть активную роль Андрея Шуйского в заговоре). В итоге под пером историка возникла концепция о готовившемся удельным князем выступлении или даже «мятеже» с целью захвата великокняжеского престола; опорой Юрия послужили дмитровские бояре и дети боярские, а также князья Шуйские; но правительство своевременно предотвратило попытку этого мятежа²⁴⁸. Остаются, однако, неясными критерии, по которым исследователь отделил достоверную информацию от недостоверной в тенденциозных, по его мнению, источниках.

А. А. Зимин, не останавливаясь подробно на анализе данного эпизода, отдал предпочтение версии Летописца начала царства. По его мнению, тенденциозность Воскресенской летописи объясняется временем ее составления, которое пришлось на годы правления Шуйских. Рассказ же Летописца начала царства был написан позднее, уже после гибели Андрея Шуйского, «когда можно было осветить в ином свете поведение этого князя в первые дни после смерти Василия III»²⁴⁹.

Х. Рюс также высказался в пользу версии Летописца начала царства как «существенно более подробной». Он отметил «психологическую мотивированность» поведения Елены в изображении этого летописца (она была «в кручине великой» по покойному мужу). Арест Юрия, по мнению немецкого историка, носил предупредительный характер²⁵⁰.

Р. Г. Скрынников, напротив, подчеркнул «пристрастность» Летописца начала царства и высказал мнение о том, что «ближе к истине» версия Воскресенской летописи²⁵¹.

Характеру имеющихся в нашем распоряжении источников наиболее точно соответствует, на мой взгляд, вывод, к которому пришел в своей диссертации А. Л. Юрганов: «...однозначно судить о намерениях Юрия после смерти Василия III нельзя»²⁵². Действительно, поскольку никаких источников, происходящих из «лагеря» дмитровского князя, до нас не дошло, а официальные московские летописи прямо противоречат друг другу, говоря о замыслах князя Юрия, то этот вопрос по-прежнему остается загадкой для историков.

Однако другие спорные моменты событий 11 декабря 1533 г., по-разному освещаемые Воскресенской летописью и Летописцем начала царства, вполне могут быть прояснены с помощью иных источников. Это относится, в частности, к вопросу о роли князя Андрея Шуйского в указанных событиях.

Начать нужно с того, что братья Андрей и Иван Михайловичи Шуйские действительно, как и рассказывает Летописец начала царства, пытались еще в годы правления Василия III

²⁴⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 385 – 386.

²⁴⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории. С. 28 – 31. Гипотезу И. И. Смирнова признал вполне приемлемой Петер Ниче, так как она, по мнению немецкого историка, удовлетворительно объясняет одновременный арест Юрия и Андрея Шуйского: Nitsche P. Großfürst und Thronfolger. S. 227 – 228.

²⁴⁹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 228, прим. 3.

²⁵⁰ Rieß H. Machtkampf. S. 496.

²⁵¹ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 85.

²⁵² Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. С. 13.

«отъехать» к Юрию Дмитровскому. Произошло это, по-видимому, в 1527-м или начале 1528 г.: сохранилась датированная июнем 1528 г. поручная запись по князьям Ивану и Андрею Михайловым детям Шуйского. Их «выручили» у пристава Якова Краснодубского «в вине... за отъезд и за побег» бояре кн. Б. И. Горбатый и П. Я. Захарьин, перед которыми, в свою очередь, ругались за Шуйских многие князья и дети боярские (всего 30 человек). Сумма поруки составила 2 тыс. рублей²⁵³. Надо полагать, братья в самом деле провели какое-то время в заточении, но в 1531 г. оба были уже на свободе: в июле – августе указанного года в полках, стоявших на берегу Оки, упоминается князь Иван, а в октябре в Нижнем Новгороде – Андрей²⁵⁴.

Таким образом, получают подтверждение высказанные еще С. М. Соловьевым сомнения по поводу версии Летописца начала царства, согласно которой братья Шуйские были освобождены якобы Еленой Глинской по «печалованию» митрополита и бояр, после чего князь Андрей тут же задумал новый «отъезд» к Юрию Дмитровскому. На самом деле, как явствует из приведенных выше данных, Шуйские получили свободу еще при великом князе Василии (рождение в великокняжеской семье долгожданного наследника 25 августа 1530 г. могло быть подходящим поводом для амнистии). Предполагать же, что в последний год жизни государя они еще раз попытались «отъехать» к Юрию, у нас нет никаких оснований.

Итак, в начале декабря 1533 г. Андрей Шуйский находился на свободе, и ничто не мешало его контактам с двором дмитровского удельного князя. А в том, что такие контакты действительно имели место, убеждает следующий отрывок из описи царского архива XVI в.: в ящике 26-м среди других разнообразных документов хранилась «выпись Третьяка Тишкова на князя Ондreja Шуйского»²⁵⁵. Очевидно, эта «выпись» была затребована властями во время следствия, начатого опекунами Ивана IV при первых известиях о переговорах кн. А.М. Шуйского с приближенными Юрия Дмитровского. Сам факт наличия показаний дьяка Тишкова о князе Андрее свидетельствует о том, что между ними имели место какие-то контакты, хотя мы и не знаем, по чьей инициативе они начались.

Наконец, в нашем распоряжении имеется документ, который косвенно свидетельствует о том, что сам Андрей Шуйский признавал свою вину в содеянном. Текст этот давно опубликован, но до сих пор не привлекал к себе пристального внимания исследователей. Речь идет о послании, которое находившийся в заточении Шуйский написал новгородскому архиепископу Макарию с просьбой о «печаловании» перед великим князем и его матерью. Послание представляет собой образец высокого риторического стиля, и поэтому, наверно, его список дошел до нас в одном из сборников XVI в.²⁵⁶

Величая Макария «святейшим пастырем», «православным светильником», «церковным солнцем» и другими лестными эпитетами, Андрей Шуйский, плача, по его словам, «сердечными слезами», молил архиепископа о милости: «...прости ми, владыко, руку твою, погружаемому в опале сей гор[ь]кой, и не остави мя, владыко; аще ты не подидиши, кто прочее поможет ми?»²⁵⁷ Особого внимания заслуживает следующий пассаж этого послания: «Сам, государь, божественаго писания разум язык имаш[ь]: аще достойного спасти, аще праведнаго помиловати, ничтож[е] чудно; грешнаго спасти – то ест[ь] чудно. Ибо врач тогда чудим ест[ь], еда

²⁵³ Новейшее издание поручной записи см.: Антонов А. В. Поручные записи 1527 – 1571 годов // РД. Вып. 10. М., 2004. С. 11 – 13. Док. № 2. В феврале 1527 г. Андрей Шуйский сам выступил «подручником» в коллективной поруке по кн. М. Л. Глинском (Там же. С. 9, 10. Док. № 1). Таким образом, попытка «отъезда» братьев Шуйских к Юрию Дмитровскому могла иметь место между февралем 1527 и июнем 1528 г.

²⁵⁴ РК 1598. М., 1966. С. 76 – 77, 79. Кн. И. М. Шуйский упомянут на службе и в июле следующего 1532 г. (Там же. С. 81).

²⁵⁵ ОЦААПП. С. 20.

²⁵⁶ ОР РНБ. Собр. СПб. ДА. № 430. Л. 35 – 35об. Опул.: ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 27. С. 27.

²⁵⁷ В издании ДАИ текст передан не вполне точно; цитирую по рукописи: ОР РНБ. Собр. СПб. ДА. № 430. Л. 35.

неврачаемый недуг исцелит, но и царь тогда чудим и хвален ест[ь], еда недостойным дарует что»²⁵⁸.

То, что князь Андрей молил о милости к «грешному и недостойному», свидетельствует, видимо, о том, что он (искренно или притворно – мы не знаем) признавал свою вину. Заканчивается послание просьбой к архиепископу: «...православному государю великому князю Ивану Васильевич[ю] и его матери государыне великой княине Елене печалуйся, чтобы государи милость показали, велели на поруки дати»²⁵⁹.

Документ не имеет даты, но ее можно приблизительно установить, обратившись к новгородскому летописанию. В отрывке Новгородской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку рассказывается о том, как в декабре 1534 г. Макарий получил повеление от великого князя и его матери, а также от митрополита Даниила «быти на Москве о соборном богомолии и о духовных и земских делах»²⁶⁰. 10 января 1535 г. архиепископ прибыл в столицу и провел там 18 дней, совершая молебны в церквах, а также «и ко государю великому князю велми честне ездя чрез день и много печалования творя из своей архиепископии о церквах Божиих и о победных людех, еже во опале у государя великого князя множество много. И государь князь великий, архиепископова ради печалования, многим милость показа...»²⁶¹ (выделено мной. – М. К.).

Вполне возможно, что накануне отъезда в Москву или уже во время пребывания в столице Макарию была передана процитированная выше челобитная Андрея Шуйского. Но князь не попал в число тех, кому тогда юный государь (а точнее, его мать-правительница) «милость показа»: мы знаем, что он был освобожден из тюрьмы только после смерти Елены Глинской, в апреле 1538 г.²⁶²

Суммируя сделанные выше наблюдения, можно прийти к выводу о том, что Шуйский действительно вел переговоры о переходе на службу к дмитровскому удельному князю. Возможно, его собеседником был дьяк Третьяк Тишков, которого называет Воскресенская летопись. Но в таком случае логика дальнейших действий центральной власти ясна: независимо от того, какие замыслы на самом деле вынашивал Юрий Дмитриовский и кто был инициатором упомянутых переговоров (Андрей Шуйский или дьяк Тишков, действовавший по приказу своего князя), опекуны юного Ивана IV усмотрели в них серьезную угрозу для малолетнего великого князя. Они не стали медлить: Юрий был арестован.

Об обстановке, в которой было принято это решение, можно составить достаточно ясное представление и по рассказу Летописца начала царства, и по приведенным в первой главе этой книги известиям о декабрьских событиях 1533 г. в Москве, записанным в литовской столице. Как мы помним, уже самые первые сообщения о смерти Василия III, пришедшие в Вильну 24 декабря, передавали слухи о том, что братья покойного хотят лишить власти его малолетнего наследника. Очень характерна фраза из письма М. Зборовского герцогу Альбрехту от 10 января 1534 г. о том, что московский государь оставил двух взрослых родных братьев, которые, «возможно, имели больше прав» на престол (чем малолетний Иван IV) и на опеку над мальчиком – великим князем, чем назначенные Василием III советники²⁶³. Эти слова, вероятно, отражали настроения, существовавшие тогда в московских придворных кругах.

Даже помимо своей воли братья Василия III оказались после его смерти в центре всеобщего внимания; с ними, и особенно со старшим – князем Юрием Ивановичем, связыва-

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же. Л. 35об.

²⁶⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 294.

²⁶¹ Там же. С. 295.

²⁶² ПСРЛ. Т. 29. С. 32.

²⁶³ АТ. Т. XVI. Pars 1. Posnaniae, etc. 1960. № 18. P. 32.

лись определенные ожидания и опасения. О том, что фигура удельного князя Дмитровского действительно рассматривалась как реальная альтернатива малолетнему Ивану IV, свидетельствует и рассказ Летописца начала царства. Как уже говорилось, сообщение это очень тенденциозно в том, что касается роли князя Юрия, Андрея Шуйского, Елены Глинской в описываемых событиях, но сама тревожная атмосфера Москвы начала декабря 1533 г. изображена там вполне достоверно, что подтверждается и другими источниками, имеющимися в нашем распоряжении.

Устами князя Андрея Шуйского летописец дает весьма реалистичную оценку сложившейся ситуации: «...здесе нам служити и нам не выслужити, – будто бы говорил он князю Борису Горбатову, – князь велики еще молод, а се слова носятся про князя Юрья. И только будет князь Юрьи на государстве, а мы к нему ранее отъедем, и мы у него тем выслужим»²⁶⁴. Говорил ли в действительности кн. А. М. Шуйский эти слова, подговаривая своего родственника «отъехать» к дмитровскому князю, или сам Юрий присылал к Шуйскому с подобным предложением (как изображает дело Воскресенская летопись), – в любом случае мысль о таком «отъезде», так сказать, носилась в воздухе.

Даже Иван Яганов, служивший Василию III в качестве осведомителя при дворе дмитровского князя, в челобитной на имя юного Ивана IV, подчеркивая свои заслуги, писал: «А не хотел бы яз тебе, государю, служити, и яз бы, государь, и у князя у Юрья выслужил»²⁶⁵. Атмосфера накалялась, росло взаимное недоверие между удельным и великокняжеским дворами: ходили упорные слухи о намерениях Юрия занять престол (как мы уже знаем, к ним внимательно прислушивались в Литве); с другой стороны, дмитровские бояре говорили своему князю (если верить Летописцу начала царства): «...нас слухи доходят, кое, государь, тебе одноконечно быти поиману»²⁶⁶. В такой напряженной обстановке опекуны малолетнего Ивана IV нанесли упреждающий удар.

Попытаемся выяснить, кому именно принадлежала инициатива «поимания» князя Юрия. А. М. Курбский написал в «Истории о великом князе Московском», что Василий III «имел брата Юрья... и повелел, заповедающе жене своей и окояным советником своим, скоро по смерти своей убить его, яко убиен есть»²⁶⁷. Однако информативная ценность и достоверность этого позднего и тенденциозного известия весьма невелики: приведенный пассаж очень похож на объяснение событий постфактум, он подчинен общей задаче автора – заклеить извечно «кровопийственный» род московских князей. Вполне возможно, впрочем, что опекуны малолетнего Ивана IV действовали по приказу покойного государя, но этот наказ, судя по их действиям, предусматривал арест (а не убийство) Юрия при первой опасности престолу. И уж совсем маловероятно, чтобы такое поручение было дано умирающим своей жене Елене: этому противоречит все, что мы знаем о положении великой княгини из Повести о смерти Василия III, а также из источников, говорящих об обстоятельствах ареста Юрия Дмитровского.

Из летописей только Воскресенская, как уже говорилось, полностью возлагает ответственность за это суровое решение на великую княгиню²⁶⁸. Некоторые летописи вообще не сообщают, по чьему приказу был арестован удельный князь, ограничиваясь краткой констатацией самого факта. Так, в Продолжении Хронографа редакции 1512 г. говорится: «И после великого князя смерти в десятый день поиман князь Юрьи Иванович и посажен в полате на

²⁶⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

²⁶⁵ АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 136. С. 198. Новейшую публикацию см.: Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова. С. 17 – 24, цитата – с. 23.

²⁶⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

²⁶⁷ Курбский Андрей. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 340.

²⁶⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 286.

дворце, где сидел князь Василей Шемячичь»²⁶⁹. Сходное сообщение читается и в Новгородской II летописи: «А опосли великого князя смерти поимали брата князя Юрья Ивановичя в 9 день и посадиша его в Набережную полату, да положили на него тягость велику»²⁷⁰. В одном из списков Вологодско-Пермской летописи сказано, что Юрия «велел поимати» великий князь²⁷¹ – которому, напомним, в тот момент было три года от роду! Наконец, в дополнительных статьях к летописному своду 1518 г. этот арест приписывается великой княгине Елене и ее сыну великому князю Ивану Васильевичу всея Руси²⁷².

Можно предположить, что авторы процитированных выше кратких летописных известий не располагали информацией о том, кем в действительности было принято решение о «поимании» дмитровского князя, или не считали возможным об этом говорить. Однако в нашем распоряжении имеется еще ряд летописных текстов, в которых инициатива ареста Юрия прямо приписывается боярам. Как мы уже знаем, именно такую позицию занял составитель Летописца начала царства, постаравшийся переложить всю ответственность за этот шаг с великой княгини Елены на бояр²⁷³. Но подобные оценки можно найти и в более ранних летописях. Так, в Постниковском летописце говорится: «Месяца декабря в 11 день, в четверг, после великого князя Васильевы смерти в осмы день, поимали бояре великого князя Васильева брата князя Юрья Ивановича Дмитровского на Москве и бояр его и диаков»²⁷⁴. Марк Левкеинский, сообщая в своем кратком летописце об аресте князя Юрия, особо подчеркивает: «поимали его бояре»²⁷⁵.

Еще определеннее высказывается псковский летописец: «...приняша князь великий и его прикащики дядю своего князя Юрья Ивановича после смерти отца своего вборзе»²⁷⁶. «Прикащики» Ивана IV – это, конечно, опекуны, те самые «бояре немногие», о которых в той же летописи сказано выше, что Василий III приказал им «беречи» своего сына до совершеннолетия.

А вот что рассказывает о «деле» Юрия Бернад Ваповский: «Георгий и Андрей, дядья юного великого князя Московского, – пишет хронист, – явно готовили государственный переворот и помышляли о княжеском престоле; Георгий, приведенный правителями к покорности, был взят под стражу, Андрей [же] спасся бегством...»²⁷⁷ Оставляя пока в стороне вопрос о роли кн. Андрея Старицкого в этих событиях, обратим внимание на то, что арест Юрия приписывается здесь «правителям», а ими, как мы помним, Ваповский ранее назвал трех советников Василия III, которым последний доверил своего сына, т.е. речь идет все о тех же опекунах.

Наконец, в нашем распоряжении есть документ, который недвусмысленно показывает, в чьих руках находились нити следствия по «делу» дмитровского князя. Речь идет об уже упоминавшейся челобитной Ивана Яганова: говоря о своих прежних заслугах (при Василии III), этот сыщик прибавляет: «...а ведома, государь, моа служба князю Михаилу Лвовичу [Глинскому]. –

²⁶⁹ Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 285.

²⁷⁰ ПСРЛ. Т. 30. С. 203. Такое же «безличное» сообщение об аресте Юрия содержится и в дополнительных статьях к летописному своду 1497 г. (ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 161).

²⁷¹ ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 325 (Академический список). Согласно другому списку той же летописи (Кирилло-Белозерскому), «князь великий Иван Васильевич всеа Руси поимал дядю своего князя Юрья Ивановича...» (Там же. С. 315).

²⁷² ПСРЛ. Т. 28. С. 356 (Синодальный список).

²⁷³ ПСРЛ. Т. 29. С. 11.

²⁷⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 24.

²⁷⁵ Зимин А. А. Краткие летописцы XV – XVI вв. // ИА. Т. V. М.; Л., 1950. № 1. С. 12. Обвинение бояр в расправе с удельным князем сохранилось и в более поздней летописной традиции. Так, в родословном летописце из Щукинского собрания ГИМ (список второй половины XVII в.) под 7042 г. сообщается о том, что 11 декабря «бояре поимали великого князя Ивана Васильевича дядю родного князя Юрья Ивановича и посадили его в полату и положили на него тягости железа 25 пуд. И в той тягости преставился» (Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. № 111. С. 112).

²⁷⁶ ПЛ. Вып. 1. С. 106.

²⁷⁷ Kroniki Bernarda Wapowskiego... część ostatnia. Kraków, 1874. S. 249.

М. К.] да Ивану Юрьевичу Поджогину»²⁷⁸. И вот, оказывается, что и при новом великом князе, Иване IV, дмитровские дела контролируют те же самые лица: с санкции Шигоны Поджогина Яганов ездил в деревню к дмитровскому сыну боярскому Якову Мещеринову – «некоторого для... государева дела», а об услышанном там он тотчас сообщил в особой грамоте, посланной «ко князю к Михаилу [Глинскому. – М. К.] и к Шигоне»²⁷⁹.

Челобитная Яганова не имеет даты, но еще С. М. Соловьев предполагал, что она написана уже после ареста князя Юрия и что этот сыщик доносил о настроениях дмитровских детей боярских, жалевших, видимо, о своем князе и порицавших московских правителей²⁸⁰. Находка еще одного документа, связанного с Иваном Ягановым, полностью подтверждает это предположение.

При публикации в 1841 г. в «Актах исторических» челобитной Яганова издатели не обратили внимания на отрывок еще одной грамоты, сохранившейся в том же архивном деле²⁸¹. Между тем и челобитная, и этот документ написаны одним почерком и связаны как по происхождению, так и по содержанию²⁸². Вторая грамота, от которой до нас дошел только отрывок, представляет собой сделанную Ягановым запись речей некоего Ивашки Черного, который, подобно самому автору челобитной, служил тайным осведомителем московского государя при дворе Юрия Дмитровского. Яганов дает ему такую характеристику-рекомендацию: «А наперед того тот Ивашко Черной великому князю сказан, какой он человек у князя был, еще при князе хотел великому князю служить и сказывал на князя»²⁸³. Выражение «еще при князе» ясно показывает, что этот текст написан уже после ареста князя Юрия.

Таким образом, 11 декабря 1533 г., дата «поимания» дмитровского князя, может служить нижней хронологической гранью, ранее которой челобитная и «запись» Ивана Яганова не могли появиться. Что касается верхней границы, то на нее указывают слова Яганова о кн. М. Л. Глинском как о человеке, ведавшем вместе с И. Ю. Шигоней самыми секретными делами политического сыска. Между тем, как будет показано ниже, не позднее июня 1534 г. князь Михаил Львович уже утратил реальное влияние при дворе. Поэтому вышедшие из-под пера Яганова документы можно датировать концом 1533 г. или первыми месяцами 1534 г.

2. От «триумvirата» – к единоличному правлению Елены Глинской (декабрь 1533 – август 1534 г.)

Еще М. Н. Тихомиров в своей ранней работе, сопоставив известие Псковской летописи об аресте Юрия Дмитровского «прикащиками» великого князя с челобитной Ивана Яганова, пришел к обоснованному выводу, что под «прикащиками» нужно понимать названных челобитчиком его высоких покровителей – Шигону и Глинского²⁸⁴. К этому можно добавить, что данный документ подтверждает факт получения опекунами особых полномочий, которые они сохраняли некоторое время после смерти Василия III, обладая реальным контролем над внутривластной ситуацией. Кроме того, сообщенные Ягановым сведения о руководящих лицах вполне согласуются с предложенной выше реконструкцией предсмертных распоряжений великого князя Василия: из трех предполагаемых опекунов-правителей он называет по имени двоих; неупомянутым оказался только М. Ю. Захарьин, который, вероятно, не принял

²⁷⁸ Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова. С. 22.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Соловьев С. М. История. Кн. III. С. 386 – 387.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). 1505 г. Ед. хр. 1. Л. 3.

²⁸² Подробнее см.: Кром М. М. Челобитная и «запись» Ивана Яганова. С. 17 – 18.

²⁸³ Там же. С. 24.

²⁸⁴ Тихомиров М. Н. Князь Юрий Иванович Дмитровский // Тихомиров М. Н. Российское государство XV – XVII веков. М., 1973. С. 166 – 167.

активного участия в «деле» князя Юрия. Зато он подвизался на дипломатическом поприще: как уже говорилось, Захарьин вместе с кн. Д. Ф. Бельским принимал 18 декабря литовского посланника; в адресованной им грамоте литовских панов Михаил Юрьевич назван «боярином уведеным» (т.е. «введенным») и вместе с тем же Бельским причислен к «раде высокой»²⁸⁵.

В этом «триумvirате» самой влиятельной фигурой был, бесспорно, в декабре 1533 г. Иван Юрьевич Шигона Поджогин – человек, посвященный во все тайны предшествовавшего царствования²⁸⁶. О его исключительном влиянии при дворе вскоре после смерти Василия III свидетельствует, помимо челобитной Яганова, адресованная государеву дворецкому «господину Ивану Юрьевичу» грамота хутынского игумена Феодосия, в которой последний почти-тельно просит Шигону об аудиенции у нового великого князя²⁸⁷. Наряду с внутривла-стическими делами могущественный дворецкий не обходил своим вниманием и сферу внешней политики: в числе других высокопоставленных лиц Шигона присутствовал на приеме литов-ского посланника 18 декабря 1533 г.²⁸⁸

Позиция при дворе другого опекуна, кн. Глинского, была, напротив, весьма непрочной. Судя по летописной Повести о смерти Василия III, государь чувствовал враждебность при-дворной среды к этому чужаку и пытался ее преодолеть: «...да приказываю вам Михайла Лво-вича Глинского, – обращался он к боярам, – человек к нам приезжей, и вы б того не молвили, что он приезжей, держите его за здешняго уроженца, занеже мне он прямой слуга»²⁸⁹. Пона-чалу, видимо, бояре подчинились воле великого князя, да и «дело» князя Юрия Дмитровского заставило их отложить на время счеты друг с другом, но вскоре борьба за власть в окружении юного Ивана IV вспыхнула с новой силой.

Помимо политического сыска, Глинский занимался, по-видимому, и дипломатией. Правда, на приеме литовского посланника Ю. Клинского 18 декабря 1533 г. он не присутство-вал, так как, очевидно, для литовской стороны был персоной нон грата. Однако сохранились следы его контактов с Ливонией в 1533 – 1534 гг. Эстонский исследователь Юрий Кивимяэ обнаружил в Шведском государственном архиве в Стокгольме черновую копию письма дерпт-ского епископа Иоганна V Бея (Johannes V. Bey), адресованного князю Михаилу Глинскому и датированного 10 марта 1534 г.²⁹⁰

Письмо явилось ответом на послание Глинского от 24 августа 1533 г.²⁹¹, вместе с кото-рым епископ получил (3 марта 1534 г.) удивительный подарок: слуга Глинского Степан доста-вил в Дерпт диковинного «татарского зверя» – верблюда. Епископ не остался в долгу и послал князю Михаилу щедрые дары, в том числе индюка. В связи с нашей темой особый интерес представляют начальные и заключительные строки письма Иоганна V, из которых явствует, что дерптский епископ был неплохо осведомлен о положении в Москве и о той роли, кото-рую при малолетнем великом князе играл Глинский. Юному князю Московскому епископ пожелал «долгого и счастливого здоровья и правления», а своего адресата он назвал в послед-них строках так: «Михаилу – высокородного князя, императора и государя всея Руси сопра-

²⁸⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 2.

²⁸⁶ О карьере И. Ю. Шигоны см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии. С. 221 – 223.

²⁸⁷ АИ. Т. 1. № 294. С. 537 – 538.

²⁸⁸ Сб. РИО. Т. 59. С. 2.

²⁸⁹ Цитирую по Софийской II летописи (ПСРЛ. Т. 6. С. 271). Тот же текст в Постниковском летописце (ПСРЛ. Т. 34. С. 21). Как было показано выше (см. гл. 1 книги), в Новгородской летописи Дубровского и других списках той же группы этот пассаж заменен другим в результате редакторской правки (ПСРЛ. Т. 43. С. 228).

²⁹⁰ Kivimäe J. Ein Kamel für Dorpat und ein Truthahn für Moskau. Geschenksendungen zwischen Livland und Russland im Jahr 1534 // Zwischen Lübeck und Novgorod – Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert: Norbert Angermann zum 60. Geburtstag / Hrsg. von Ortwin Pelz, Gertrud Pickhan. Lüneburg, 1996. S. 233 – 248.

²⁹¹ В оригинале указан 1532 г., но Ю. Кивимяэ справедливо видит здесь опisku и предлагает читать «1533» (Ibid. S. 241).

вителю (Mythregentenn)»²⁹². Таким образом, информация о «регентстве» Глинского дошла и до Дерпта.

Летописи не упоминают о ходе внутривосточной борьбы в период между декабрем 1533 и августом 1534 г. Между тем такая борьба велась, и ее отголоски отразились в источниках польско-литовского происхождения. Здесь с начала 1534 г. все большее внимание уделялось младшему брату покойного государя, князю Андрею Ивановичу, и его отношениям с великокняжеским окружением. Так, уже упоминавшийся выше Марцин Зборовский писал 10 января 1534 г. герцогу Альбрехту Прусскому, что после смерти «Московита» (т.е. Василия III) лишь старший его брат не противится распоряжениям покойного; «младший же ведет себя так, словно он ничего не знает об этом избрании [Ивана IV. – М.К.] и об опеке, им [советникам Василия III. – М. К.] порученной, и не считается с нею; если дело обстоит так, как доподлинно сообщено его королевскому величеству [Сигизмунду I. – М. К.], [то] всякий может догадаться, что из-за такового избрания [Ивана IV. – М. К.] начнется величайший раздор, особенно когда цвет знати (*nobilitatis proceres*) во множестве примкнет в этом деле к вышеупомянутому младшему брату»²⁹³. Возможно, впрочем, что в это «доподлинное» известие все же вкралась ошибка, и младшему брату приписаны здесь замыслы или поступки, за которые на самом деле был «пойман» старший брат, князь Юрий. Но в следующем сообщении из Вильно речь, несомненно, идет об Андрее Старицком: 2 марта Н. Нипшиц писал Альбрехту, что «герцог Андрей, другой брат, привлек к себе много людей и крепостей (? – *vesten*) с намерением свергнуть мальчика и самому стать великим князем»²⁹⁴.

Русские источники ничего не сообщают о намерениях князя Андрея захватить престол. К процитированным известиям нужно отнестись критически, учитывая явную заинтересованность Сигизмунда I и его приближенных в дестабилизации обстановки в России. Поэтому охотно подхваченные в Литве и Польше слухи о московских раздорах²⁹⁵

---

²⁹² Ibid. S. 248.

²⁹³ AT. T. XVI. Pars I. № 18. P. 32 – 33.

²⁹⁴ Ibid. № 145. P. 281.

²⁹⁵ Ibid. № 158, 159, 197. P. 310, 312, 370.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.